ВП 12/9

БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

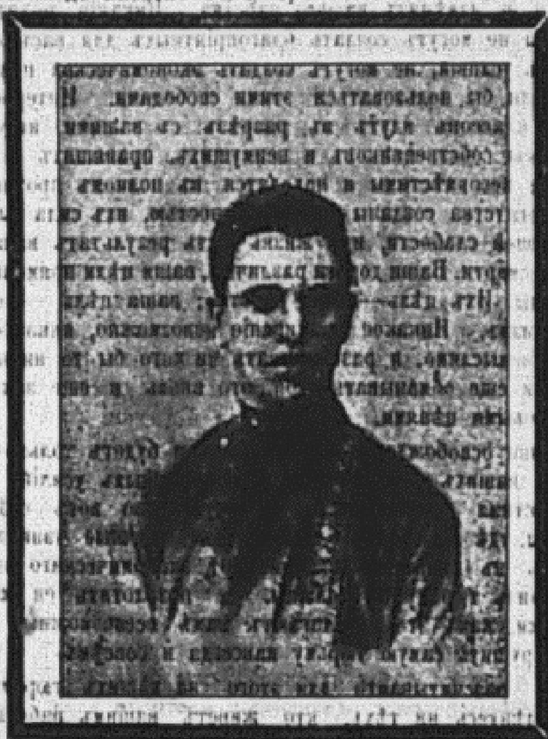
20 Іюля 1906 г. ОРГАНЪ РУССКИХЪ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ. № 1.

НЕКРОЛОГЪ.

В конце мая 1906 г. въ Бѣлостокѣ солдатская пуля прервала жизнь одного изъ товарищей, анархиста Аарона Елина.

Чтобы охарактеризовать славную личность погибшаго товарища, было бы достаточно только перечислить его героическіе поступки, но конспиративныя условія, къ сожалѣнію не позволяютъ намъ сдѣлать это въ первомъ же номерѣ нашего органа.

Нашій товарищъ былъ извѣстенъ во всѣхъ русскихъ группахъ подъ именемъ Геликера.

Молодой, жизнерадостный, съ идеально-чистой душой, не признававшій никакихъ компромиссовъ ни со своей совѣстью, ни съ требованіями своей революціонной натуры, Геликеръ былъ любимъ всѣми товарищами, воодушевляя всѣхъ окружающихъ своимъ геройскимъ поведеніемъ и вызывая ихъ на упорную борьбу противъ всѣхъ видовъ угнетенія и эксплуатаціи.

Геликеръ, какъ революціонеръ вырванъ изъ нашей среды, но память о немъ, какъ о піонерѣ анархизма въ Россіи не вырвана.

Мы не забудемъ этого бойца, павшаго на славномъ боевомъ посту и не забудемъ этой потери нашимъ врагамъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Не болѣе, какъ года два тому назадъ, въ Россіи, кромѣ маленькой горсти интеллигентовъ, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ анархизмѣ или, выражаясь точнѣе, имѣли о немъ самое превратное, самое ложное представленіе. Способствовало тому очень много причинъ: Во первыхъ, анархистической литературы, даже нелегальной, по русски почти не существовало; во вторыхъ, русскіе противники анархизма, главнымъ образомъ соціальдемократы, въ своей борьбѣ съ этимъ теченіемъ старались не столько опровергать его идейные принципы, его научную постановку, сколько дискредитировать анархистовъ, прибѣгая для этого къ самымъ недостойнымъ, самымъ нечестнымъ и нечистымъ пріемамъ. При отсутствіи другихъ источниковъ, общество черпало свои свѣдѣнія объ анархизмѣ изъ произведеній этихъ „критиковъ" и само собою разумѣется, что тотъ анархизмъ, съ которымъ оно такимъ путемъ знакомилось, имѣлъ очень мало общаго съ настоящимъ. Въ третьихъ, благодаря двойной стѣнѣ, которой, желая оградить пролетаріатъ отъ анархистической заразы, правительство и соціальдемократія обнесли Россію, русское общество ничего почти не знало и объ анархистическомъ движеніи западныхъ странъ, отголоски которого проникали къ намъ лишь въ видѣ террористическихъ актовъ; къ этимъ же послѣднимъ оно относилось отрицательно, считая ихъ вредными при наличности политической свободы, которой-де пользуются западныя страны.

Прошло два года и обстоятельства рѣзко измѣнились! Подъ мощнымъ напоромъ русской революціи анархизмъ вынырнулъ изъ мрака и грозно заявилъ о своемъ существованіи. Объ анархизмѣ вдругъ заговорили въ разныхъ концахъ Россіи. Надобно однако сознаться, что, не взирая на это, и теперь еще рѣдко кто знаетъ въ Россіи, къ чему они стремятся, чего они хотятъ. Объясняется это тѣмъ, что занятые исключительно непосредственной борьбой, поглощенные всецѣло переживаемой революціей, которой они являются продуктомъ, они не могли отдаться выработкѣ строгой и вполнѣ опредѣленной программы, имъ некогда было заняться т е о р е т и ч е с к о й пропагандой. Это обстоятельство отражалось и на тактикѣ ихъ, которую не всѣ и не всегда хорошо понимали.

Пополнить этотъ пробѣлъ, разъяснить идеалы анархизма, показать, къ чему стремятся приверженцы его и какимъ путемъ они думаютъ осуществить свои стремленія — такова главная задача предпринимаемого нами органа.

Группа.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческое общество, основанное на принципѣ частной собственности съ ея послѣдствіемъ Государствомъ, — исторія этого общества представлялась и представляется постоянной борьбой между имущими и неимущими, между властителями и подчиненными,

между рабочими и капиталистами, между правительствомъ и народомъ. Благодаря этой борьбѣ, внѣшняя постройка общества мало-по-малу мѣнялась, частная собственность принимала различныя формы, государство трансформировалось, но самый принципъ общества оставался все тѣмъ-же; принципъ частной собственности, принципъ государства оставался неизмѣннымъ и неизмѣнной оставалась удушливая атмосфера гнета, бѣдности, эксплуатаціи рабочихъ массъ. Формы, но не сущность мѣнялись. И тотъ, кто владѣетъ, оставался и остается всегда господиномъ того, кто не владѣетъ; и тотъ, кто имѣетъ власть, въ какомъ бы то ни было видѣ, оставался и остается всегда тираномъ того, кто долженъ повиноваться. Мало по малу, благодаря борьбѣ, въ сознаніи массъ зарождалась та мысль, что источникомъ зла являются не различныя формы частной собственности, не различныя формы государства, но сама основа существованія частной собственности, сама сущность государства.

Соціализмъ зародился. И, расширяя быстро сферу своего критическаго отношенія къ существующему порядку вещей, современный соціализмъ вылился въ форму коммунистическаго анархизма.

Наступала новая эпоха въ исторіи человѣчества: капиталистическое общество приближается все болѣе и болѣе къ своему разрушенію, и все болѣе и болѣе становится очевиднымъ зарожденіе новаго свободнаго строя.

Эволюція современнаго общества клонится къ уничтоженію Частной Собственности, къ уничтоженію Государства, къ созданію новаго общества, основаннаго на Анархіи, на Коммунизмѣ. Въ авангардѣ прогресса, въ авангардѣ всемірнаго рабочаго движенія, мы, анархисты, мы боремся часто одни, противъ всѣхъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію этого свободнаго строя. Во имя рабочихъ, обездоленныхъ, подавленныхъ, порабощенныхъ массъ мы боремся противъ всѣхъ видовъ эксплуатаціи, и, зная, что Частная Собственность есть результатъ захвата меньшинствомъ труда большинства; зная, что Государство, какъ слѣдствіе экономическаго грабежа, не имѣетъ и не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ защиты и содѣйствія этому грабежу — мы выступаемъ, какъ рѣшительные противники Частной Собственности и Государства. Отвергая Частную Собственность и Государство, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ всякую власть одного человѣка надъ другимъ, одной группы людей надъ другими группами, одного класса надъ другими, меньшинства надъ большинствомъ, большинства надъ меньшинствомъ. Мы отвергаемъ всякую власть, откуда бы она не исходила, противъ кого бы она ни была направлена, какова бы она ни была — моральная, физическая, политическая, экономическая.

Отвергая власть во всѣхъ ея видахъ, мы стремимся къ свободѣ, но не къ абстрактной свободѣ, не къ *праву* на свободу, а къ дѣйствительной, реальной свободѣ, къ *возможности* быть свободными. Никакая индивидуальная свобода не возможна, если она не опирается на свободу всѣхъ другихъ индивидовъ. Никакая свобода невозможна, если она не вытекаетъ изъ коллективной свободы. Никакая свобода немыслима безъ экономической свободы, и никакая экономическая свобода немыслима безъ общаго совладѣнія всѣми продуктами человѣческаго труда — безъ коммунизма.

Коммунизмъ является результатомъ стремленія всѣхъ и каждаго къ личной свободѣ и въ то же время цѣлью соціально-экономической эволюціи.

Въ этомъ коммунизмѣ нѣтъ мѣста Государству, нѣтъ мѣста принудительнымъ учрежденіямъ. Полиція, армія, юстиція, духовенство, бюрократія, каковы бы они ни были — поддержка государства они несовмѣстимы съ соціально-экономическимъ строемъ, гдѣ классовая борьба не существуетъ, гдѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, гдѣ земли, машины, фабрики, наука, искусства, гдѣ всѣ плоды человѣческаго труда находятся въ свободномъ распоряженіи всѣхъ и каждаго. Только автономныя ассоціаціи, союзы ассоціацій, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе всевозможныхъ потребностей человѣка, имѣющихъ цѣлью упрощеніе труда и взаимную помощь въ борьбѣ съ природой, возможны, должны быть и будутъ организовываться на почвѣ анархическаго коммунизма. Неизбѣжная, эволюціонная необходимость анархизма намъ ясна, теченіе всѣхъ отраслей знанія логически ведетъ къ отрицанію Государства и Частной Собственности. Всѣ данныя современной науки подтверждаютъ всѣ наши соціально-экономическія положенія. И сильные справедливостью нашихъ идей, сильные опытомъ предыдущихъ революцій, мы обращаемся къ тѣмъ, чьей кровью пропитана длинная дорога историческаго процесса, мы обращаемся къ рабочимъ и крестьянскимъ массамъ, и во имя ихъ собственныхъ интересовъ мы призываемъ ихъ на борьбу съ отживающимъ строемъ буржуазнаго міра. Всюду и вездѣ рабочій классъ находится подъ игомъ капиталистическаго строя; всюду и всегда Частная Собственность и Государство давятъ и эксплуатируютъ рабочихъ и крестьянъ.

Всюду и всегда ваши враги — всѣ тѣ, кто владѣетъ и властвуетъ вами; враги всѣ тѣ, кто убаюкиваетъ ваши страданія химерическими надеждами въ благотворную силу государства, въ возможность мирнымъ путемъ улучшить ваше положеніе. — Никакія реформы, никакой парламентъ, никакое правительство, никакой законъ, никакая политическая партія неспособны измѣнить, не могутъ измѣнить и не измѣнятъ вашего рабства. Никакія политическія свободы не могутъ создать благопріятныхъ для васъ экономическихъ условій, не могутъ создать экономической почвы, гдѣ вы могли бы пользоваться этими свободами. Интересы имущихъ классовъ идутъ въ разрѣзъ съ вашими интересами. Интересы собственниковъ и неимущихъ, правящихъ и повинующихся несовмѣстимы и находятся въ полномъ противорѣчіи. Ихъ богатства созданы вашей бѣдностью, ихъ сила вытекаетъ изъ вашей слабости, ихъ жизнь есть результатъ вашей медленной смерти. Ваши дороги различны, ваши цѣли прямо противоположны. Ихъ цѣль — ваше рабство; ваша цѣль — свобода, коммунизмъ. Никакое примиреніе невозможно, никакое соглашеніе немыслимо, и разсчитывать на кого бы то нибыло это вновь и еще обманывать себя, это вновь и еще закрѣплять себя новыми цѣпями.

Ваше освобожденіе можетъ быть и будетъ только результатомъ вашихъ собственныхъ революціонныхъ усилій.

Частная собственность и государство вотъ стѣны той тюрьмы, гдѣ вы, рабочіе и крестьяне, вѣчные узники, задыхаетесь въ смертельной атмосферѣ экономическаго гнета. Не расширить тюрьму вы должны, не позолотить ея желѣзныя рѣшетки, какъ это предлагаютъ вамъ всевозможныя партіи, но разрушить самую тюрьму навсегда и совсѣмъ.

Не разсчитывайте для этого на вашихъ тюремщиковъ, не надѣйтесь на тѣхъ, кто живетъ вашимъ рабствомъ, не полагайтесь на тѣхъ, кто живетъ вашимъ потомъ и кровью: дѣйствуйте сами, дѣйствуйте сознательно, дѣйствуйте революціонно и на притѣснительную постоянную силу правящихъ классовъ отвѣчайте всюду и всегда освободительной анархистической силой рабочихъ революціонныхъ массъ.

Будьте революціонерами, но не завтрашняго дня, не въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, но сейчасъ, всегда и вездѣ. Не просить вы должны, не требовать, но дѣйствовать, брать; не разрушать только, но создавать и вводить въ жизнь вашъ анархистическій идеалъ, — коммунизмъ. Только вводя въ жизнь вашъ идеалъ, только творя новыя формы анархистическаго строя, только защищая силою уже взятыя экономическія свободы, вы сможете идти все впередъ и впередъ и все болѣе и болѣе вы будете становиться непобѣдимыми.

Будьте силой, сознательной силой, творческой силой! Пусть ваша революціонная мысль осуществляется на дѣлѣ и пусть въ вашей борьбѣ противъ всѣхъ формъ эксплуатаціи народнаго труда вашъ девизъ будетъ: смѣлость, еще смѣлость и всегда смѣлость. Смѣлость мысли, смѣлость воли и смѣлость дѣйствія. Пусть ваша анархистическая мысль освѣтитъ зарею новаго свободнаго строя темное царство угнетенныхъ массъ. Пусть ваша дѣятельность пробудитъ ихъ энергію, ихъ волю, ихъ иниціативу и невозможное станетъ возможнымъ, мечта—реальностью, общество безъ собственниковъ и рабовъ, безъ правителей и подчиненныхъ—дѣйствительностью.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Что такое анархизмъ? Чего онъ хочетъ? Къ чему стремится?

Анархизмъ раньше всего отрицаніе власти во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, отрицаніе государства.

Изучая развитіе общества, легко замѣтить, что власть всегда опиралась на насиліе. На зарѣ человѣчества, когда общественная жизнь только зарождается, насиліе, лежащее въ основѣ власти, проявляется въ очень рѣзкой и грубой формѣ: оно чисто физическое; тогда дѣйствительно господствуютъ самые сильные, а повинуются тѣ, которыхъ природа менѣе щедро одарила мускульной силой, хитростью или ловкостью и проворствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ развивается, по мѣрѣ того, какъ осложняются формы общественной жизни, насиліе, проходя черезъ цѣлый рядъ стадій, теряетъ подъ конецъ свой первобытный обликъ. Оно перестаетъ быть орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ господству, и присваивается привиллегированными классами общества для защиты своихъ интересовъ и привиллегій. Но классы эти, представляя собою лишь ничтожное меньшинство, не въ силахъ владѣть этимъ оружіемъ, — насиліемъ — въ его примитивномъ видѣ; они сами, физически не въ состояніи справиться съ другими, подвластными имъ классами, какъ когда-то дикарь справлялся со своимъ противникомъ, желая отнять у него добычу или сдѣлать его своимъ рабомъ. Чтобы превратить насиліе изъ средства личнаго, какимъ оно было раньше, въ орудіе классовой борьбы имъ необходимо поэтому замаскировать и организовать его. Вотъ почему и возникаютъ такія учрежденія, какъ полиція, армія, судъ, духовенство и т. д., совокупность которыхъ образуетъ государство и которыя представляютъ собою лишь соціализированные органы насилія, прикрытые всѣ одной общей маской: закономъ. Цѣль всѣхъ этихъ учрежденій— не регулировать ходъ общественной жизни, какъ то утверждаютъ патентованные соціологи и экономисты, а обезпечить за господствующими классами власть надъ другими и исключительное пользованіе общественными богатствами.

Вотъ почему анархизмъ отрицаетъ власть, отрицаетъ государство, видя въ этомъ послѣднемъ лишь организованное насиліе, лежащее тяжелымъ бременемъ на человѣчествѣ. Благодаря ему, одни классы порабощены другими, личность угнетаема обществомъ; благодаря ему, ни одно еще изъ человѣческихъ обществъ, начиная отъ самыхъ первобытныхъ и кончая современными, никогда не знало, что такое нормальная жизнь, что такое свобода; благодаря ему, вся исторія представляетъ собою одну лишь непрерывную и безконечную войну, въ которой гибнутъ самые лучшіе, самые отважные изъ борцовъ; благодаря ему весь путь, пройденный человѣчествомъ усѣянъ трупами, орошенъ цѣлыми потоками слезъ и крови... Исчезнуть же это можетъ лишь съ исчезновеніемъ самого государства, этого усовершенствованнаго органа насилія, о который разбиваются всѣ надежды на лучшее, всѣ стремленія къ равенству и братству, всѣ попытки современнаго человѣка осуществить свободу и построить общество на началахъ истинной солидарности! Улучшить этотъ органъ насилія, т. е. государство и использовать его въ видахъ соціальной революціи, какъ о томъ мечтаютъ соціалисты-государственники, анархизмъ считаетъ столь же невозможнымъ, какъ, напримѣръ, превратить какую нибудь болѣзнь въ полезную для организма функцію. Оно подлежитъ уничтоженію: это историческая необходимость, безъ которой свобода немыслима.

Но когда какой-нибудь человѣкъ или цѣлый классъ стремится къ господству, прибѣгая для этого къ насилію, то дѣлаетъ онъ это не столько ради наслажденія, доставляемаго этимъ положеніемъ, сколько ради тѣхъ непосредственныхъ преимуществъ и выгодъ, которыя тѣсно связаны съ обладаніемъ власти. Болѣе того: власть только для того и существуетъ, чтобы защищать эти выгоды и привиллегіи извѣстныхъ лицъ или классовъ; другого назначенія она не имѣетъ. Ясно поэтому, что весь соціальный вопросъ—вопросъ экономическій, и что разрѣшеніе его абсолютно невозможно безъ коренного измѣненія экономическихъ формъ жизни современнаго общества. Уничтожая экономическое рабство, мы тѣмъ самымъ отнимаемъ у господствующихъ классовъ не только орудіе ихъ насилія, но и самый смыслъ его, такъ какъ нечего болѣе ни отстаивать, ни защищать, нѣтъ болѣе классовыхъ интересовъ, классовыхъ привиллегій.

Максимъ Дубинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАБОЛѢВШІЙ ВОПРОСЪ.[1]

Почему анархисты признаютъ террористическую борьбу? Откуда, изъ какого пункта ихъ программы вытекаетъ эта форма борьбы? Какое мѣсто должны они удѣлить террору въ своей тактикѣ? Каковы послѣдствія, значеніе и результаты террористическихъ актовъ? Важны-ли эти результаты настолько, чтобы для нихъ тратить наилучшія наши силы? Какую форму и какіе размѣры, наконецъ, можетъ и должна принять террористическая дѣятельность?

Цѣлый рядъ этихъ и подобныхъ вопросовъ вызываются „терроромъ," и отъ того или иного ихъ разрѣшенія зависитъ одинъ или другой видъ террористической дѣятельности.

Разобрать окончательно, исчерпать вопросъ о террорѣ въ одной этой статьѣ мнѣ врядъ-ли удастся. Но въ виду того, что мнѣнія и взгляды о немъ очень расходятся, мы считаемъ болѣе чѣмъ необходимымъ выяснить, вопервыхъ, ту точку зрѣнія, на которую становятся или, по нашему мнѣнію, должны стать анархисты, желающіе правильно рѣшить вопросъ о террорѣ, вообще, а, во вторыхъ, охарактеризовать нашу террористическую дѣятельность въ Россіи и указать насколько были цѣлесообразны и имѣли смыслъ „акты" нѣкоторыхъ товарищей.

* * *

Терроръ есть средство классовой борьбы. Этого никто изъ анархистовъ и не думалъ отрицать; весь вопросъ въ томъ, какой именно терроръ непосредственно вытекаетъ изъ классовой борьбы?

Когда мы призываемъ къ классовой борьбѣ, то имѣемъ въ виду слѣдующее: общество схематически дѣлится на два класса, экономическіе интересы которыхъ непримиримо противорѣчивы. Одинъ классъ заинтересованъ въ порабощеніи

---

[1] По вопросу о террорѣ мы считаемъ нужнымъ просить товарищей высказаться на страницахъ „Буревѣстника". Первою къ намъ поступила статья тов. Ефимова и ею открываются дебаты.

другого, дабы имѣть возможность жить чужимъ трудомъ, —
другіе же стремятся какъ разъ къ обратному, къ ниспровер-
женію господствующаго надъ ними ига. Классовая борьба,
борьба двухъ общественныхъ силъ вытекаетъ, слѣдовательно,
изъ противорѣчія интересовъ. Въ процессѣ борьбы, одинъ
классъ выставляетъ конкретныя требованія, съ частичныхъ
экономическихъ улучшеній до полнаго уничтоженія экономи-
ческаго и политическаго неравенства, употребляя въ своей
борьбѣ стачки, частичныя и всеобщія, и, наконецъ, терроръ,
насилію какъ орудія и активными защитниками стараго по-
ложенія, старыхъ устоевъ.

Терроръ, такимъ образомъ, непосредственно вытекаетъ
изъ самой сущности классовой борьбы и такъ какъ, во-пер-
выхъ классовая борьба исчезнетъ только съ исчезновеніемъ
классовыхъ противорѣчій, а, во-вторыхъ, классъ эксплуата-
торовъ и угнетателей никогда добровольно не откажется отъ
своихъ привилегій, то поэтому мы терроръ считаемъ неиз-
бѣжнымъ спутникомъ классовой борьбы.

Такое насиліе, массовое или единичное, ясно и понят-
но; оно есть отвѣтъ на насиліе нашихъ враговъ, а удовле-
во вынуждающихъ удовлетворенія требованій трудового люда.
Терроризируя ихъ, мирныя особенно „усердствующихъ" изъ
ихъ лагеря, мы вынуждаемъ ихъ капитулировать передъ рабочи-
ми, съ упорно защищаемой ими позиціи.

Терроръ направленъ противъ нихъ не потому, что они
буржуа по своему положенію, а потому, что они выступаютъ
какъ активные защитники привиллегій господствую-
щаго класса. Мы террористы не потому, что намъ пріятна
смерть нашего врага, а потому, что мы, въ силу про-
стого закона самосохраненія, вынуждены „убирать его".
Каждый часъ существованія какого-нибудь Плеве или Ека-
теринославскаго „управляющаго", Германа, убиваетъ десят-
ки людей, отравляетъ жизнь десяткамъ рабочихъ и потому,
мы стремимся „обезвредить ихъ", какъ можно скорѣе.

Совершенно не въ интересахъ рабочаго класса уничто-
жить, перебить всю буржуазію, — если даже допустить, что
подобное возможно, — а только лишить ее возможности быть
буржуазіей, т. е. уничтожить зло, создающее классы со всѣ-
ми ихъ противорѣчіями и послѣдствіями — частную собствен-
ность и государство.

Послѣдствія и значеніе совершившагося террористическаго
акта — различны. Кромѣ того, что онъ содѣйствуетъ „изъ-
ятію изъ обращенія наиболѣе лютыхъ и жестокихъ враговъ
трудового люда, онъ способенъ хоть немного обуздать угне-
тателей рабочаго класса, нагнать на нихъ страхъ и напом-
нить имъ, что ихъ преступленія не останутся безнаказанны-
ми. Наконецъ, террористическій актъ революціонизируетъ са-
михъ рабочихъ, зоветъ ихъ на борьбу.

Таковы въ общихъ, конечно, чертахъ причины, по кото-
рымъ мы признаемъ террористическую форму борьбы и зна-
ченіе, которое мы ей придаемъ.

А теперь, перейдемъ къ характеристикѣ нашей террори-
стической дѣятельности въ Россіи.

Всѣ „акты", совершаемые нашими товарищами, дѣлятся
ими на „мотивные" и „безмотивные".

Прежде всего нужно замѣтить, что этимологическое зна-
ченіе этихъ двухъ терминовъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому
смыслу и содержанію, которыя въ нихъ вкладываются. Каж-
дый поступокъ, актъ — террористическій или другой — есть
слѣдствіе какихъ нибудь причинъ, мотивовъ и потому акта
безмотивнаго нѣтъ. Согласиться, слѣдовательно съ этимъ
подраздѣленіемъ невозможно, но въ виду того, что эти тер-
мины употребляются всѣми товарищами въ Россіи и имѣютъ
специфическое, всѣмъ извѣстное, значеніе, мы вынуждены, во
избѣжаніе большей еще запутанности, пользоваться ими,
хотя, повторяемъ, сознаемъ все ихъ неудобство.

Подъ „мотивнымъ" терроромъ они подразумѣваютъ актъ,
направленный противъ опредѣленнаго, извѣстнаго лица
или цѣлой группы лицъ, наказуемыхъ за извѣстныя
преступленія передъ рабочимъ классомъ. Объектомъ такого
террора служитъ какъ представитель власти такъ и предста-
витель капитала.

Съ этимъ такъ называемымъ „мотивнымъ" терроромъ мы
вполнѣ только во всемъ согласиться и потому распростра-
няться о немъ, я не буду.

Не таково, однако, должно быть наше отношеніе къ такъ
окрещенному „безмотивному" террору, подъ которымъ подра-
зумѣвается актъ, направленный противъ неопредѣленныхъ,
неизвѣстныхъ лицъ, съ которыми рабочіе не столкну-
лись на опредѣленныхъ требованіяхъ и съ которыми у нихъ
не было никакого непосредственнаго конфликта, — бросаніе
бомбъ въ рестораны, кофейни, театры и др. буржуазныя
публичныя мѣста.

„Бросая бомбу въ буржуазную кофейню или ресторанъ —
разсуждаютъ сторонники „безмотивнаго" террора — мы, во-
первыхъ, мстимъ всей буржуазіи, какъ классу,
отъ имени другого класса, класса обездоленныхъ".
Во-вторыхъ, продолжаютъ они, „подобный актъ
указываетъ рабочимъ на виновниковъ современнаго строя и
учитъ, какъ нужно съ ними бороться".

Постараемся просудить насколько правильны эти аргу-
менты. Начнемъ съ психологическаго анализа человѣка, спо-
собнаго совершить подобный актъ.

Только тотъ человѣкъ, которому — по выраженію Эмиля
Анри — надоѣла вся гнусная комедія, разыгрывающаяся въ
современномъ пошломъ, міровомъ театрѣ, можетъ, выходя изъ
этого театра, сильно хлопнуть дверью. Личность, подверга-
ющаяся всеобщей травлѣ, измученная, истерзанная, потеряв-
шая всякія связи и интересы съ обществомъ, психологически
доходитъ до такого состоянія, когда ей все становится про-
тивнымъ и не чувствуя себя въ силахъ дальше бороться,
уходитъ со сцены этого міра, выливая всю свою ненависть и
отвращеніе на головы, перво-попавшихся ему подъ руку, ви-
новниковъ современной пошлости и грязи.

Мы хорошо понимаемъ подобнаго террориста.

Не менѣе понятна намъ и психологія измученнаго голо-
домъ и холодомъ человѣка, который, плетясь по улицамъ, на-
талкивается на громадный, изящный дворецъ, черезъ хру-
стальныя окна котораго виднѣются пирующіе, гуляющіе, сы-
тые люди и у него при видѣ этой картины является желаніе
раздавить ихъ, что онъ и проводитъ въ исполненіе своимъ
трагическимъ жестомъ.

Это акты индивидуалистическіе и такой
террористъ не считается ни съ цѣлесообразностью своего
акта, ни съ его агитаціоннымъ значеніемъ. Единственное его
желаніе — это какъ можно сильнѣе „хлопнуть за собой
дверью", отомстить этимъ сытымъ людямъ за свой личный
голодъ, отнюдь не считаясь съ интересами всего ра-
бочаго класса.

Если это такъ, если такого рода факты являются только
слѣдствіемъ извѣстнаго душевнаго состоянія, то спрашивается,
имѣетъ-ли какой нибудь смыслъ пропагандировать
подобный терроръ? Гдѣ его польза, гдѣ его цѣлесообразность?
Неужели въ томъ, что убиты нѣсколько буржуа? Можемъ-ли
мы вызывать, создавать такіе мотивы? Имѣемъ-ли мы право раз-
вивать подобную психологію или считаться съ ней? Можемъ-
ли мы строить нашу тактику, основываясь на подобномъ ду-
шевномъ состояніи? Гдѣ, наконецъ, въ такомъ актѣ „месть
всей буржуазіи за весь рабочій классъ"?

Но, могутъ мнѣ возразить, „это только одинъ типъ „без-
мотивныхъ" террористовъ; мы вѣдь признаемъ такіе акты
безмотивнаго террора которые цѣлесообразны, имѣютъ, глав-

нымъ образомъ, агитаціонное значеніе и совершаются не по личнымъ побужденіямъ, а въ интересахъ рабочаго класса".

Взрывъ бомбы — скажутъ намъ „безмотивники" — какъ очень эффектное явленіе, вызываетъ много толковъ среди всѣхъ слоевъ населенія и для насъ, анархистовъ, наступаетъ очень удобный моментъ ходить къ рабочимъ, излагать имъ наше credo и развивать, такимъ образомъ, ихъ классовое самосознаніе".

Всегда-ли однако, бомба заставляетъ много говорить о себѣ? Мнѣ, кажется, что нѣтъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе и насколько времени, можетъ оставить разорвавшаяся бомба въ наши дни, дни Революціи?

Неужели, послѣ того, какъ мы пережили одну грандіознѣйшую всероссійскую забастовку, нѣсколько менѣе удавшихся и столько частичныхъ; неужели, послѣ знаменитаго московскаго возстанія и другихъ повсемѣстныхъ стычекъ съ войсками и полиціей; неужели, послѣ стольких террористическихъ актовъ, совершаемыхъ ежедневно и ежечасно по всей Россіи; неужели, теперь, когда каждый россіянинъ до того привыкъ къ убійствамъ, выстрѣламъ, бомбамъ, что для него это стало столь обыденнымъ явленіемъ, на которое — де и не стоитъ обращать вниманія: неужели, можемъ мы думать, что теперь намъ удастся, одной или нѣсколько брошенными бомбами, заставить призадуматься трудовой людъ и въ особенности безсознательныя среди него элементы.

Наконецъ, обращать на себя вниманіе и заставить о себѣ говорить не значитъ еще подготовить психическую почву для нашихъ идей. Черносотенцы*), напримѣръ, своими погромами заставили обратить на себя вниманіе всего міра, но, слѣдуетъ ли изъ этого, что они подготовили почву для распространенія своихъ идей?..

Перейдемъ теперь къ тому взгляду, по которому такой актъ „указываетъ рабочему классу на виновниковъ современнаго строя и учитъ, какъ нужно съ ними бороться".

Прежде всего нужно замѣтить, что никакая „кофейня" не есть вертепъ исключительно буржуазіи. Кафэ-шантанныя пѣвицы, несчастнѣйшія креатуры буржуазнаго общества, такъ называемые „столичные франты", бухгалтера, приказчики, по своему положенію далеко не „обжирающіеся" буржуи, маклера, посредники, которыхъ „дѣла" заставляютъ вѣчно шмыгать по „публичнымъ" мѣстамъ, многочисленная ресторанная прислуга, обыкновенные мѣщане, мелкіе и мельчайшіе буржуа и т. д., и т. д. — вотъ элементы которыхъ всегда и въ значительномъ количествѣ можно встрѣтить всегда и во всѣхъ „буржуазныхъ" кофейняхъ.

И бомба, брошенная въ такую разношерстную публику не указываетъ на враговъ и не показываетъ ихъ.

Если даже согласиться, что терроръ имѣетъ большое агитаціонное значеніе и способствуетъ развитію классового самосознанія, то такая бомба способна дать совсѣмъ противоположные результаты. Для рабочей массы, массы безсознательной, такой актъ непонятенъ и будетъ совершенно невѣрно, если всѣ перечисленные элементы для нихъ явятся врагами, которыхъ нужно терроризировать и перебить.

Настоящимъ же нашимъ врагамъ, мы подобными актами даемъ возможность говорить, что „анархисты" борятся не только противъ буржуазіи, но и противъ „всѣхъ" и этимъ самымъ одурачить несознательный пролетаріатъ, затемнить его классовое самосознаніе, къ выясненію котораго мы такъ стремимся.

Чтобы развить классовое самосознаніе трудового люда, мы должны пропагандировать не „безмотивный терроръ", не „швыряніе бомбъ въ анонимную толпу", а классовую борьбу, борьбу на экономической почвѣ за конкретно выставленныя требованія — за ясныя, всѣмъ понятныя, идеалы.

Мы должны помнить, что индивидуальный терроръ не-самое важное средство нашей борьбы, ибо онъ не въ состояніи избавить насъ отъ современнаго общества, а что онъ только облегчаетъ нашу борьбу, очищаетъ путь отъ препятствій.

Э. Ефидовъ.

*) Прошу товарищей не обижаться, ибо я этотъ примѣръ привожу только потому, что считаю его наиболѣе яркимъ и способнымъ объяснить мою мысль.

МЫСЛИ О РЕВОЛЮЦІИ.

Наша цѣль есть преобразованіе современнаго капиталистическаго строя въ анархическо-коммунистическое общество. Эта цѣль не есть результатъ нашихъ личныхъ только желаній, не есть плоды фантазіи, нашего ума, но слѣдствіе соціально-экономическаго процесса всей исторіи человѣчества. Въ настоящій періодъ вѣра въ государство какъ возможную благотворную, регулирующую силу и само государство разрушается всѣми фактами ежедневной жизни. Частная собственность является экономическимъ зломъ, мѣшающимъ стройному движенію общества впередъ, мѣшающимъ громадному большинству примѣнить свободно и полезно свой трудъ въ борьбѣ съ природой, и свободно и вполнѣ потреблять продукты этого труда. Но по мѣрѣ того, какъ сознаніе этого зла распространяется въ массахъ, по мѣрѣ того, какъ стремленіе и рѣшимость быть экономически свободнымъ растетъ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе вводятся въ жизнь новыя формы, соотвѣтствующія этому стремленію, загорается борьба между всѣми тѣми, кто страдаетъ отъ существующаго порядка и тѣми кто заинтересованъ въ существованіи этого порядка, загорается борьба между приверженцами statu quo и защитниками полнаго развитія зарождающихся новыхъ формъ общественной жизни. Моментъ этой борьбы не зависитъ отъ воли какихъ бы то ни было лицъ, не зависитъ отъ гипотетическихъ стратегическихъ соображеній какихъ бы то ни было партій, но отъ большей или меньшей, качественной и количественной неспособности приспособляться къ существующему порядку, отъ большей или меньшей жизненной энергіи зарождающихся новыхъ формъ. Чѣмъ болѣе существующій порядокъ неудовлетворяетъ потребности индивидуума, чѣмъ болѣе индивидуумъ имѣетъ неудовлетворенныхъ потребностей, чѣмъ болѣе сознаніе его достоинства развито, чѣмъ болѣе сильно въ немъ чувство справедливости, чѣмъ болѣе развита въ немъ соціальная солидарность, чѣмъ болѣе моральная и интеллектуальная его жизнь широка, — тѣмъ менѣе онъ сможетъ приспособиться къ современному строю и тѣмъ болѣе онъ будетъ бороться противъ этого строя. Онъ не можетъ не реагировать и онъ реагируетъ въ той или другой формѣ, соотвѣтствующей его индивидуальности и окружающимъ его условіямъ. Но всегда сущность, принципъ какой бы то ни было формы реагированія есть актъ.

Настоящая роль государства, по крайней мѣрѣ въ современную эпоху — это облегчить насколько возможно, приспособленіе индивидуума къ существующему строю, — создать, насколько возможно, посредственнаго индивида, дѣйствующаго и мыслящаго согласно интересамъ правящихъ классовъ, довести до минимума или уничтожить совсѣмъ его способность реагировать противъ существующаго порядка и въ крайнемъ случаѣ силою подавить его попытки реагировать. Частная собственность держитъ въ экономической бѣдности рабочія массы, чтобы имѣть возможность эксплуатировать ихъ. Государство держитъ ихъ въ моральномъ и интеллектуальномъ рабствѣ; государство создаетъ рабовъ, которыхъ частная собственность сможетъ безпрепятственно эксплуатировать. Историческая роль государства была только одна — уничтожить способность индивидуума реагировать противъ неблагопріят-

ныхъ для него условій, убить въ немъ вѣру въ возможность
благопріятнаго для него строя — лишить его воли, иниціа-
тивы и энергіи. Всѣ учрежденія, функціи государства, вы-
текающія изъ этой наиважнѣйшей роли имѣютъ цѣлью при-
вить индивидууму двѣ моральныя язвы: повиновеніе и дисцип-
лину, безъ которыхъ никакое рабство невозможно; если же
прививка не удалась въ извѣстный моментъ „изъять изъ об-
ращенія“ недисциплинированныхъ личностей и нейтрализировать
в с ѣ м и средствами ихъ возможное дѣйствіе на окружаю-
щихъ лицъ. — Чѣмъ болѣе общество цивилизовано, тѣмъ ме-
нѣе проявляется чисто насильственное вмѣшательство госу-
дарства, тѣмъ болѣе обладаетъ оно мирными средствами въ
дѣлѣ созданія безличныхъ массъ.

Можно идейно представить себѣ такое общество, гдѣ го-
сударство владѣетъ достаточно могучими средствами для
уничтоженія всякой возможности неприспособленія, гдѣ индиви-
дуумъ, находясь съ самаго своего рожденія подъ постояннымъ
вліяніемъ государства становится вполнѣ совремeннымъ
„гражданиномъ“ мыслящимъ и дѣйствующимъ для го-
сударства и въ цѣляхъ государства. — Государство въ дѣя-
ствительности стремится къ этому, оно находитъ въ этой
работѣ помощниковъ во всѣхъ политическихъ партіяхъ, осно-
ванныхъ на принципѣ повиновенія государству и если бы
государство когда либо могло быть единственнымъ дѣйст-
вительнымъ собственникомъ, общество кристализировалось бы,
прогрессъ остановился бы и человѣчество исчезло бы съ ли-
ца земли. Къ счастію не таково еще положеніе. Отдѣльныя
личности реагируютъ различными способами противъ соціаль-
но-экономическаго рабства и по мѣрѣ того какъ число та-
кихъ лицъ увеличивается, по мѣрѣ того, какъ иx пропаган-
да дѣломъ и словомъ успѣваетъ нейтрализировать государствен-
ную психику массъ, по мѣрѣ того, какъ зарождаются новыя
формы общественной жизни—революціонный періодъ прибли-
жается, и борьба между всѣми тѣми, кто стремится къ но-
вымъ свободнымъ условіямъ и приверженцами отживающаго
строя принимаетъ острый характеръ.

Результатъ борьбы зависитъ отъ большей или меньшей
энергіи, проявленной съ той или другой стороны, но въ о с о-
б е н н о с т и отъ болѣе или менѣе ясмаго пониманія до-
стигаемой цѣли и средствъ, способныхъ ввести въ жизнь эту
цѣль, и отъ того, насколько сильны и жизнены за-
чаточныя формы, выросшія въ средѣ отживающаго
строя. Революція такимъ образомъ является, по край-
ней мѣрѣ до нѣкоторой степени, защитительнымъ движеніемъ
противъ реакціонныхъ усилій. До сихъ поръ результатъ всѣхъ
революцій былъ компромиссъ между двумя борющимися стро-
ями. Ожесточенная и длинная борьба французскихъ кресть-
янъ и рабочихъ противъ эксплуатацій правящихъ классовъ
окончилась компромиссомъ — республикой. Эта республика,
если и олицетворила нѣкоторыя политическія свободы не из-
мѣнила въ сущности экономическаго гнета трудящихся массъ
и оставляя неизмѣннымъ экономическое порабощеніе, нейтрали-
зировала возможность пользованія политическими свободами.
Если этотъ взглядъ на революція соотвѣтствуетъ исторической
дѣйствительности, ясно, что самый важный періодъ въ рево-
люціи не есть ея результатъ, но самъ революціонный пері-
одъ. Въ революціонный періодъ зародившіяся новыя формы
могутъ развиться и развиваются съ крайней быстротой. Госу-
дарственная психика замѣняется анархической психикой, воля,
энергія, иниціатива, критическое мышленіе берутъ мѣсто по-
виновенія, дисциплины, апатіи. Революціонный періодъ явля-
ется такимъ образомъ прогрессивнымъ движеніемъ. Революці-
онный результатъ, какъ конецъ революціи, какъ компромиссъ,
является регрессивнымъ факторомъ, реакціоннымъ элементомъ.
Результатъ революціи всегда долженъ былъ дать легальныя
формы, законныя основы новымъ формамъ жизни, широко
развившимся въ революціонный періодъ и тѣмъ самымъ пріо-
становить нормальное развитіе этихъ формъ, кристаллизировать
ихъ, приспособить ихъ къ принципамъ частной собственности
и Государства. Это было такъ, въ особенности потому, что
рабочія массы не были достаточно анархистически развиты,
не сбросали вполнѣ государственную психику.

Если это такъ и если, какъ мы увѣрены Россія высту-
пила въ революціонный періодъ и если, какъ мы увѣрены,
этотъ періодъ все болѣе и болѣе будетъ принимать острый
характеръ и, перейдя границы, разбудитъ революціонную энер-
гію европейскихъ рабочихъ массъ, передъ нами анархистами
стоитъ важная задача рѣшить вопросъ „Что дѣлать“. Уже
фактически мы боремся противъ отжившаго строя; мы бо-
ремся идейно противъ всѣхъ компромиссовъ уже существу-
ющихъ или могущихъ существовать; мы боремся идейно про-
тивъ всякихъ болѣе или менѣе научныхъ стратеговъ, которые
во имя нѣмецкой метафизики толкаютъ крестьянъ и рабочихъ
подъ иго буржуазной эксплуатаціи, мы боремся идейно про-
тивъ всѣхъ кто хочетъ измѣнить этикетъ, не измѣняя сущ-
ности, кто кричитъ на всякій ладъ, что не нужно спѣшить,
не пришло еще время для свободной жизни, не пришло еще
время для крестьянъ и рабочихъ работать только для себя
и своихъ, не пришло еще для нихъ время свободнаго поль-
зованія землею и всѣми продуктами соціальнаго труда.

Мы боремся идейно противъ всѣхъ этихъ пророковъ,
стратеговъ и плохихъ акушеровъ, но этого не достаточно и
наша задача гораздо шире и глубже! Что дѣлать? Мы анар-
хисты, и наши средства вытекаютъ изъ нашей цѣли: — ком-
мунистическое владѣніе землею и всѣми продуктами труда
безъ всякихъ государственныхъ учрежденій; на этой почвѣ
наша моральная цѣль есть — полное всестороннее развитіе
автономнаго индивидуума; полное уничтоженіе моральныхъ
послѣдствій классовой борьбы, солидарность, братство, вза-
имная помощь въ борьбѣ съ природой.

Средства наши вытекаютъ изъ нашей цѣли, и арена нашей
борьбы — экономическая арена.

Если мы хотимъ быть свободными, нужно у м ѣ т ь быть
свободнымъ теперь-же; нужно у м ѣ т ь брать эти свободы
теперь-же и защищать ихъ противъ всѣхъ, кто хотѣлъ бы
поработить насъ. Если вы хотите быть коммунистами нужно
теперь-же помочь крестьянамъ завладѣть землею; нужно по-
мочь организовать производство, помочь имъ понять, что они
не измѣнятъ своего положенія, если не введутъ коммунистиче-
скаго производства земли. Нужно помочь рабочимъ брать
фабрики и заводы, нужно помочь имъ организовать производ-
ство и помочь имъ понять, что они не измѣнятъ своего поло-
женія безъ коммунистическаго владѣнія всѣми продуктами
производства.

Если мы хотимъ, что бы не было больше голодныхъ и
холодныхъ, нужно стараться теперь-же создавать такой строй,
гдѣ голодные были бы невозможны. Нужно ф а к т и ч е с к и
доказать превосходство нашего строя жизни, вводя въ жизнь
наши же принципы.

Пусть метафизики и политики — приверженцы и факиры
государственности борятся за политическія свободы. Это ихъ
дѣло. Мы анархисты. Мы знаемъ, что никакія дѣйствительныя
свободы невозможны безъ „экономическихъ свободъ, безъ ком-
мунизма, и мы боремся за эти свободы, и наша задача ввести
въ жизнь эти свободы. Мы противъ междуусобныхъ войнъ и
всякихъ войнъ, мы противъ кровопролитія, нашъ моральный
идеалъ не соотвѣтствуетъ моральному идеалу. вытекающему
изъ частной собственности и государства. Но мы не живемъ
еще въ нашемъ обществѣ, мы медленно идемъ къ нему, мы
боремся за него, и наша борьба есть отвѣтъ на ихъ борьбу
противъ насъ. Мы противъ кровопролитія, но разъ невозмож-
но избѣгнуть этого, разъ мирное развитіе новаго свободнаго
общества невозможно, разъ мы вынуждены защищать молодыя
формы этого общества, пусть эта революція будетъ послѣ-

ней. Пусть во время этой революціи создадутся такія условія жизни, гдѣ человѣчество сможетъ безъ всякихъ препятствій эволюціонировать все къ лучшему и лучшему будущему. Но эти условія жизни невозможны безъ экономическаго полнаго преобразованія общества, безъ коммунизма. Будемъ бороться на экономической почвѣ, будемъ бороться за коммунизмъ и, если мы сумѣемъ создать и развить коммунистическія формы жизни, если мы сможемъ направить рабочія, творческія массы на этотъ путь мы избѣгнемъ въ будущемъ лишнихъ революцій, мы избѣгнемъ лишнихъ страданій, лишнихъ кровопролитій и наша историческая задача будетъ кончена. Наша задача — направить энергію массъ не къ междоусобной борьбѣ каждаго противъ всѣхъ, но къ мирной, благотворной борьбѣ каждаго и всѣхъ противъ природы — будетъ выполнена.

А. Н—ко.

Рѣчь товарища Овсея Таратута,[1] произнесенная имъ въ Виленской Судебной Палатѣ 16 мая 1906 года.

Гг. Судьи.

Я не отрицаю фактической обстановки данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ. И если г. Прокуроръ, раздѣливъ политическія преступленія на три вида — бунтъ, измѣну и смуту, усматриваетъ въ данныхъ моего обвиненія причастность къ преступленію болѣе тяжкаго вида, — именно къ смутѣ, то я съ своей стороны думаю, что ст. 126. II пунктъ обвиняетъ меня въ гораздо большемъ — въ стремленіи не только произвести смуту, но совсѣмъ ниспровергнуть существующій строй. А я и этого не отрицаю. Да, цѣлью моей дѣятельности было полное разрушеніе всего современнаго строя а не измѣненіе частностей. Я ставилъ себѣ задачей, всѣми возможными способами поколебать и уничтожить этотъ строй въ самыхъ его основахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я поднялъ голову, чтобы увидѣть, откуда сыплятся на насъ такіе ужасные удары, отчего наша жизнь, жизнь всѣхъ моихъ близкихъ, родныхъ и друзей, жизнь огромнаго большинства людей превращена въ сплошное страшное страданіе, я узналъ нашихъ враговъ: „Священная собственность" и „Святая власть". Вотъ враги. Вотъ столпы нашего строя. Невыносимо такое общественное устройство, которое существуетъ не для людей, а вопреки всѣмъ ихъ нуждамъ и потребностямъ. Нестерпимъ тотъ жизненный укладъ, гдѣ тысячи голодныхъ въ тяжкомъ трудѣ доставляютъ излишества и роскошь единицамъ. И эти единицы являются хозяевами и вершителями судебъ милліоновъ трудящихся, неимущихъ и подвластныхъ людей. Велика и обширна наша земля, кажется, всѣмъ достаточно мѣста на ней, а намъ такъ тѣсно. Даже теперь при нашемъ безумномъ хищническомъ хозяйствѣ, вполнѣ достаточно богатства, и благъ для всѣхъ, а царствуетъ такая страшная нужда. Изъ года въ годъ наше многомилліонное трудовое крестьянство переворачиваетъ вверхъ дномъ нашу обширную землю, и за этотъ неимовѣрный трудъ оно знаетъ только голодную жизнь и часто, часто —голодную смерть. Милліоны рабочихъ выносятъ на своихъ плечахъ все наше огромное производство, всю роскошь и богатство городовъ, чтобы самимъ быстро чахнуть въ мукахъ безпросвѣтной нужды и лишеній и медленной тяжкой агоніи. Мы наконецъ дошли до того, что накопилось всего слишкомъ много, и десятки тысячъ рабочихъ остаются безъ работы; ищутъ и не находятъ куда приложить свои руки, голодаютъ и терпятъ страшныя лишенія, когда ими же сработано такъ много, такъ много. Но это священная „собственность". И эту „собственность" такъ рьяно защищаютъ власти. Но зато у насъ есть „Національное" богатство. „Нація" хозяевъ — максимумъ 10%, всего населенія, обладаютъ 90% всего народнаго добра. Изъ каждыхъ 100 людей 70 буквально голодаютъ. И это не теоретическое мудрствованіе. Это факты, это сама жизнь, этой атмосферой мы дышимъ каждый день. Среди каждаго десятка людей намъ приходится жить, именно съ этими 7-ю голодными. И это значитъ: — что ни шагъ, то трагедія. Больно, невыносимо больно надрываетъ намъ душу доработавшійся до тяжкой болѣзни и въ нищетѣ умирающій человѣкъ. Какъ остро сверлитъ мозгъ видъ горя работниковъ родителей, теряющихъ дѣтокъ своихъ безъ призора и помощи. Ежеминутно на нашихъ глазахъ мучатся и гибнутъ въ непосильномъ трудѣ „слабыя" женщины и дѣвушки. Стонетъ старый и малый. Кругомъ, каждое мгновеніе я слышу крики, стоны и скрежетъ зубовъ... Какъ снести все это? Откуда ждать исхода?

Велика и непроходима пропасть между собственниками и властителями съ одной стороны, и рабочими и подвластными съ другой. Вѣдь это почти двѣ разныя породы людей, двѣ различныя расы. О, мы отлично знаемъ, что не поймётъ насъ „высшая" раса; безъ борьбы не уступитъ она ни одной пяди изъ своей позиціи. И въ чьихъ рукахъ бы ни была власть — она нашъ врагъ. Грозной тучей надвигается на насъ и виситъ надъ нашей родиной новая форма власти. Это Государственная Дума. Эти новые властители, прикрываясь именемъ народнаго представительства, готовятся въ свою очередь давить и душить...

Предсѣдатель. Въ такое тревожное время я не могу разрѣшить Вамъ критиковать еще молодое государственное учрежденіе.

— Но когда же было унасъ спокойно? Насколько я знаю, 16 мѣсяцевъ тому назадъ, когда меня арестовали было тоже очень тревожное время. И такъ было всегда. Развѣ прекращалась когда нибудь борьба неимущихъ работниковъ съ собственниками? Развѣ прерывалась война съ властями при всякихъ хозяйственныхъ формахъ и всѣхъ организаціяхъ власти? Но вспомнимъ только наше недавнее прошлое. Далеко ли то время, когда земля со всѣмъ ее населяющимъ была собственностью кучки придворныхъ. Развѣ тогда было спокойно? А какимъ образомъ возникали богатства въ недавнее время? Мирно ли мы завладѣвали колоніями? А торговыя войны? А экспропріація крестьянскихъ земель? А вотъ и отдѣльные факты: нѣкій Злобинъ отъ откуповъ получалъ доходу до 1000 руб. ежедневно. Сапожниковы и Яковлевы тоже отъ откуповъ оставили наслѣдство въ 60.000.000 рублей. Вотъ Государственная помощь.

Предсѣдатель. Зачѣмъ вы развиваете передъ нами ваши анархическія идеи. Мы ихъ отлично знаемъ. Говорите лучше о вашемъ дѣлѣ.

— Все это и есть мое дѣло, и, если я говорю передъ вами, то только затѣмъ, чтобы вы знали, гг. судьи, за что я на скамьѣ подсудимыхъ и кого вы обвиняете. О, повѣрьте, что нѣтъ у меня надежды убѣдить васъ. Я не былъ бы анархистомъ, если бы такъ думалъ. И я слишкомъ хорошо знаю, чѣмъ власть имущіе отвѣчали на попытки убѣждать. Вѣдь научить рабочаго грамотѣ считается преступленіемъ. Вѣдь малѣйшее заявленіе о нуждахъ своихъ влечетъ ужасныя послѣдствія. И я до сихъ поръ не знаю такихъ парламентовъ, которые не карали бы насъ за наши попытки „убѣждать". А дальше такъ жить невозможно. Передъ нами два объединенныхъ и сильныхъ врага собственность и власть и съ ними возможенъ только одинъ языкъ — языкъ борьбы. У меня найдены взрывчатые вещества. А у вседержителей строя столько ли взрывчатыхъ снарядовъ сколько ихъ было найдено или взято у меня. И только всѣмъ ихъ силой наша земля превращена въ обиталище адо. Не вы

---

[1] Овсей Таратута выданъ неизвѣстнымъ контрабандистомъ съ транспортомъ взрывчатыхъ веществъ.

ищемъ крови, мы остановить ее хотимъ, ея ужасные потоки. Что же удивительнаго въ томъ, что мы ухватились за другой конецъ бьющей насъ палки. Пусть умолкнутъ громы взрывовъ охранителей этого положенія вещей и въ тотъ же день весь строй разсыплется прахомъ. Дальше такъ жить немыслимо. Мы защищаемся. Не хотимъ больше умирать отъ голода, не хотимъ быть затертыми колесами фабрикъ и заводовъ, не хотимъ больше гибнуть на благо „государственности" и „хозяйственнаго прогресса". Можно ли придумать большій хаосъ и безпорядокъ, чѣмъ тотъ, который существуетъ теперь. А наши враги отожествляютъ безпорядокъ и анархизмъ. Нѣтъ. **Анархизмъ—это высшій порядокъ, высшая гармонія; это жизнь безъ власти.** Когда мы справимся съ нашими врагами, съ которыми мы боремся, у насъ будетъ коммуна — жизнь общая, братская и справедливая.

Ручаюсь за точность смысла моей рѣчи на судѣ Виленской Судебной Палаты 16 мая 1906 г.

Овсей Таратута.

ЛЮМПЕНПРОЛЕТАРІАТЪ И ПОГРОМЫ.

Трепещущій въ предсмертной агоніи царизмъ правитъ поминки по себѣ. Кровавый царь не утолилъ еще своей ненасытной жажды народною кровью. Когда крови единичныхъ жертвъ оказывается недостаточно, тогда пресмыкающаяся камарилья устраиваетъ погромы. Національная рознь, о которой такъ много твердили въ восьмидесятыхъ годахъ, уже перестала толкать „темный людъ" на погромы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отчасти даже „оффиціальныя разслѣдованія" Перемѣна временъ вызвала перемѣну нравовъ. Не такъ давно еврейская кровь нужна была лишь для разговѣнья. Въ настоящее время этимъ не довольствуются: пьютъ ее и въ праздникъ и въ будни. Въ прежнее время лакомымъ блюдомъ пасхальнаго стола царской семьи считалась жидовская кровь. Теперь вкусы притупились; пьютъ рабочую, пьютъ интеллигентскую кровь, частенько даже въ будни. Прежде пороли перины, теперь порютъ животы... Что же дальше?

Несомнѣнно опять погромъ! черносотенныя воззванія съ усердіемъ распространяются по всей странѣ.

Повсюду вѣсти становятся все тревожнѣе, и возможность новаго погрома никѣмъ не отрицается. И измученный, истерзанный народъ тщетно обращаетъ свой взоръ во всѣ стороны, ища въ комъ-нибудь поддержки, но нигдѣ не находитъ ея. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать поддержкою денежные сборы въ пользу жертвъ погрома и митинги протеста, устраиваемые нашими представителями борющагося населенія.

Пора уже, кажется, приступить къ болѣе существеннымъ способамъ борьбы съ существующимъ зломъ, отрѣшившись наконецъ отъ слѣпой вѣры въ непреложность марксистской точки зрѣнія.

Ни денежными пособіями, ни сочувственными рѣчами участь избиваемаго народа облегчена быть не можетъ, уже въ силу одного того, что оба эти вида содѣйствія совершенно не отвѣчаютъ насущной потребности.

Не говоря уже о томъ, что далеко не все можетъ быть вознаграждено деньгами, не касаясь того факта, что сочувственныя рѣчи никому кромѣ самихъ же ораторовъ никакого удовлетворенія не приносятъ, необходимо подчеркнуть то отрицательное значеніе, какое имѣютъ оба эти вида содѣйствія: съ одной стороны спекулятивный, чисто торгашескій способъ оцѣнки утратъ, понесенныхъ пострадавшими, а съ другой, и это наиболѣе важно, естественный гнѣвъ народа смиряется, заглушается наиболѣе необходимое—желаніе расправиться со своимъ врагомъ, неотложная задача отходитъ на задній планъ, наступаетъ полная деморализація.

Въ томъ, что такую деморализацію вносятъ буржуазные элементы, нѣтъ ничего удивительнаго; какъ и все отжившее буржуазія новыхъ формъ жизни дать не въ состояніи.

Но партіи демократическія, партіи народныя, партіи именующія себя революціонными,— эти партіи, что сдѣлали для устраненія общаго бѣдствія?

Они безпомощно наблюдали печальное явленіе, надѣясь на то, что историческій ходъ событій самъ займется устраненіемъ этого зла.

Какъ бы высоко ни ставили заслугъ русскихъ революціонеровъ, все же нельзя обойти молчаніемъ того факта, что къ разрѣшенію вопросовъ первостепенной важности они всегда подходили съ противоположной стороны.

Таково, напримѣръ, ихъ отношеніе къ устраненію еврейскихъ погромовъ.

Всѣ эти митинги протеста въ переполненныхъ буржуазною, въ большинствѣ случаевъ, публикою аудиторіяхъ никакихъ положительныхъ результатовъ не даютъ: ораторы говорятъ, публика слушаетъ, а... громилы готовятся къ новымъ погромамъ. На истиннаго революціонера всѣ эти митинги протеста производятъ всегда удручающее впечатлѣніе; подтвержденіемъ тому можетъ служить памятный быть можетъ нѣкоторымъ митингъ протеста въ Парижѣ, во время котораго покойный Балмашевъ, не будучи въ силахъ сдержать своего негодованія, воскликнулъ: „Г-да, протестъ выражаютъ не здѣсь, а на улицѣ, не словами, а оружіемъ!"

Такъ понималъ протестъ одинъ изъ героевъ русскаго революціоннаго движенія, но не такъ понимаютъ его, возставая противъ террора, нѣкоторыя почему-то именующія себя соціалистическими партіями. Упуская изъ виду, что на насиліе нельзя отвѣтить ничѣмъ инымъ, кромѣ насилія, они тѣмъ самымъ предлагаютъ паллiативъ тамъ, гдѣ необходимо радикальное средство. Но сколько бы ни противились тому всѣ партіи, отрицающія терроръ, избѣгнуть его все-же нѣтъ никакой возможности. За палачами и кровопійцами можетъ быть признано одно только право, право на болѣе скорую гибель, и надо надѣяться, что русская дѣйствительность выдвинетъ изъ своей среды людей, которые сумѣютъ выполнить эту обязанность. Пора положить конецъ ненасытной жаждѣ устроителей погромовъ, пора убрать ихъ съ дороги!

Но помимо этого имѣется еще и другая задача, болѣе важная и такая-же неотложная, на которую мы, анархисты неоднократно уже указывали. Задача эта—пропаганда среди „отребьевъ" человѣчества, среди люмпенпролетаріата.

Наши „политики" не безъ основаній указываютъ, что кадры „черной — сотни" формируются главнымъ образомъ изъ того слоя населенія, который по терминологіи Маркса принято называть люмпенпролетаріатомъ, а по нашей русской —босякомъ.

По отношенію къ этому слою общества, въ которомъ находятъ поддержку враги освободительнаго движенія, мы, анархисты, держимся совершенно иного взгляда, діаметрально противоположнаго взгляду т. н. демократическихъ партій.

Прежде, чѣмъ излагать этотъ взглядъ, постараемся разобраться въ тѣхъ причинахъ, благодаря которымъ у реакціи является возможность прибѣгать къ содѣйствію подонковъ общества.

Неоспоримъ тотъ фактъ, что развитіе капиталистическаго строя, основаннаго на желаніи владѣть не только тѣломъ, но и душою рабочаго, способствовало нарожденію того слоя общества, который принято называть деклассированнымъ. Сюда стекаются обыкновенно люди разныхъ классовъ: и народный учитель, которому вмѣсто школьной каѳедры необходимо было для пропитанія семьи согласиться на мѣсто сидѣльца въ „винной" лавкѣ, и генеральскій сынъ еще въ дѣтствѣ нау-

чившійся въ пріемные дни своего папаши „передергивать карты", и мелкій приказчикъ, стащившій „три красненькихъ" для уплаты за квартиру и несчастный безземельный и безлошадный мужикъ, ушедшій на заработки къ Голицынымъ и Трубецкимъ, кормившихъ его заплѣсневѣвшимъ хлѣбомъ и червивымъ мясомъ. Главнымъ же образомъ стекается сюда простой рабочій: продавая себя за безцѣнокъ капиталисту, онъ мало-по-малу „истрепывался" до того, что, потерявъ наконецъ человѣческій обликъ, онъ предпочиталъ спуститься на дно, гдѣ, если жить можно было не сытно, зато вольнѣе. Исходя изъ того, что заработокъ не давалъ возможности насытиться, требуя въ то же время рабской покорности, рабочій предпочиталъ идти на „дно", гдѣ можно пользоваться „свободой". Но многихъ толкнули на скользкій путь иныя причины, болѣе глубокія и болѣе обоснованныя: этими послѣдними руководитъ сознательное нежеланіе создавать богатство классу людей, живущихъ на счетъ прибавочной стоимости, сознательное отрицаніе частной собственности.

Этихъ двухъ доводовъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, что тою низкою ступенью, на которой находится люмпенпролетаріатъ, онъ обязанъ исключительно невыразимо тяжелымъ экономическимъ условіямъ современнаго соціальнаго строя, вносящаго всюду свое растлѣвающее вліяніе. Къ разрушенію этого-то строя и стремятся анархисты. Именующія же себя соціалистическими партіи реформъ, задавшіяся цѣлью воспитывать массы, развивать въ нихъ самосознаніе, прошли мимо этого общественнаго слоя, не удостоивъ его своимъ вниманіемъ, и тѣмъ самымъ сыграли въ руку реакціи. Въ этомъ ихъ первая непростительная ошибка. Благодаря своему упорному догматизму и исторической близорукости, сторонники демократическихъ республикъ не только потеряли весьма значительную армію бойцовъ, но сверхъ того дали еще возможность русской правительственной камарильѣ находить рекрутовъ для черносотенскихъ организацій.

Бѣглый обзоръ историческихъ событій доказываетъ намъ, что люмпенпролетаріатъ принималъ далеко не малое участіе въ штурмахъ Бастиліи и Версаля, проявляя порою изумительную находчивость и безстрашіе, качества далеко не лишнія для революціонной арміи. Болѣе того, исторія Парижской Коммуны даетъ намъ яркій образчикъ сознательности даже такихъ крайнихъ элементовъ, какъ профессіональные воры и грабители: выпущенные въ 1871 году изъ тюремъ они далеко не внесли въ дѣла коммунаровъ того смятенія, какого ждалъ отъ нихъ „знаменитый" Тьеръ. Ссылки же на поведеніе парижскихъ мобилей или итальянскихъ лаццарони, стоявшихъ во враждебныхъ борцамъ за свободу лагеряхъ не даютъ никакого права проповѣдникамъ научнаго соціализма приходить къ выводу о нежелательности участія люмпенпролетаріата въ революціонномъ движеніи.

Если бы вожаки пролетаріата не обходили такъ презрительно этотъ родственный пролетаріату слой общества, то отъ него можно было бы ожидать не малой пользы дѣлу освободительнаго движенія; но для того, чтобы армія эта оказалась полезной или, въ крайнемъ случаѣ, не стояла на сторонѣ реакціи необходимо было не сторониться ея только потому, что Либкнехтъ, Марксъ и Энгельсъ указывали на „несоціалистичность и нереволюціонность этой массы": нужно было проникнуть въ эту среду, вести среди нея пропаганду. Пора, наконецъ, русскимъ революціонерамъ отказаться отъ устарѣлыхъ догматовъ германскаго соціализма: нужно разъ навсегда признать, что масса лишь въ томъ случаѣ становится революціонной, если ее революціонизируютъ; что она тогда лишь становится соціалистичной, когда ей проповѣдуютъ соціализмъ, а не государственныя реформы! Развѣ не твердили намъ германскіе проповѣдники научнаго соціализма о косности русскаго рабочаго, русскаго мужика, того самаго мужика и рабочаго, революціонному мужеству котораго гг. Каутскіе, Бебели, Либкнехты и др. надивиться теперь не могутъ? Г-да марксисты здѣсь, какъ и всюду, оказались на высотѣ своего ортодоксальнаго непониманія: достаточно было когда-то Марксу и Энгельсу неодобрительно отозваться о люмпенпролетаріатѣ, чтобы у послѣдователей ихъ навсегда пропала охота отступать отъ взглядовъ своихъ учителей, даже и при жизни иногда ошибавшихся.

Есть даже большое основаніе допускать, что нашъ русскій босякъ, видя какъ отталкиваютъ его борцы за свободу, воспылалъ вполнѣ объяснимымъ чувствомъ неприязни къ проповѣдникамъ прогрессивныхъ людей, интеллигенціи, и едва ли не это обстоятельство дало нашему предусмотрительному (на сей разъ) правительству совершить такіе звѣрскіе акты, какъ томскій, курскій, тверской, балашовскій погромы и мн. др.

Становясь на ту точку зрѣнія, что при соотвѣтствующихъ экономическихъ условіяхъ „бывшіе" люди могутъ стать „настоящими", мы, анархисты, пойдемъ къ этому искалѣченному и обездоленному современнымъ соціальнымъ строемъ обществу со своею пропагандою и позовемъ его на совмѣстную борьбу за освобожденіе всѣхъ безъ различія угнетенныхъ. Мы имъ скажемъ: „Братья! Существующій порядокъ вещей выбилъ васъ изъ колеи, ведущей человѣчество къ прогрессу. Этотъ порядокъ установленъ правительствомъ, оберегающимъ интересы богатыхъ людей, ихъ частную собственность. Такой „порядокъ" мѣшаетъ людямъ жить по-человѣчески; его необходимо уничтожить. Вы имѣете такое же право на существованіе, какъ и всѣ, а потому, какъ и всѣ, вы тоже должны бороться за лучшее будущее. Вотъ почему мы зовемъ васъ на борьбу за полную свободу личности, за равенство. Но свобода личности возможна лишь тогда, когда не будетъ ни управителей, ни управляемыхъ, т. е. когда уничтожено будетъ государство. Но равенство возможно лишь тогда, когда не будетъ имущихъ и неимущихъ, т. е. когда уничтожено будетъ ни на чемъ не основанное право захвата, когда уничтожена будетъ частная собственность. Врагъ нашъ силенъ, благодаря нашей розни, но если всѣ мы будемъ дѣйствовать дружно, т. е. солидарно, тогда ему не устоять предъ нами. Во имя того свѣтлаго идеала, къ которому стремятся всѣ люди, во имя солидарности, мы должны бороться въ нашихъ рядахъ противъ общаго нашего врага, государства за нашъ идеалъ анархизмъ, т. е. безвластіе, мы должны бороться противъ общаго нашего врага, частной собственности за нашъ идеалъ, коммунизмъ, т. е. общее, братское пользованіе всѣмъ тѣмъ, что создано природой и трудами человѣческихъ рукъ. Мы зовемъ васъ на совмѣстную борьбу за анархическій коммунизмъ!"

М. Самойловичъ.

ОБЪ ЭКСПРОПРІАЦІЯХЪ.

Намъ не приходится говорить здѣсь о томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ для насъ опытъ прошлыхъ дней, опытъ прошлой работы. Остановимся же на минуту и бѣгло осмотримъ наше, полное промаховъ и ошибокъ, прошлое, изъ котораго мы можемъ многому поучиться.

Острое революціонное движеніе въ Россіи, во время котораго мы, анархисты, выступили со своей работой сдѣлало то, что наше движеніе особенно сильно проявило себя въ двухъ рѣзко революціонныхъ формахъ: въ террорѣ и въ экспропріаціяхъ. Присмотримся теперь самымъ тщательнымъ образомъ ко второму — къ экспропріаціи, на почвѣ которой въ Россіи возникло такъ много недоразумѣній. Для того, чтобы съ болѣе яснымъ пониманіемъ вопроса приступить къ ха-

рактеристикѣ этой стороны нашей дѣятельности, установимъ сначала, что такое экспропріація, какія цѣли она себѣ ставитъ и какія формы она принимаетъ.

Экспропріаціей обыкновенно называется принудительное отчужденіе частновладѣльческой собственности. Формъ экспропріація принимаетъ очень много, но для насъ теперь самыми важными являются: экспропріація личная, т. е. переходъ капитала отъ одного къ одному же. Экспропріація массовая, т. е. переходъ капитала отъ одного къ цѣлой группѣ, толпѣ людей и наконецъ, экспропріація организаціонная, т. е. переходъ капитала въ руки рабочей организаціи на организаціонныя же цѣли.

Основнымъ мотивомъ послѣдней, одной изъ самыхъ важныхъ, кстати сказать, обыкновенно является слѣдующій: Всякой революціонной организаціи нужны деньги. Обращаться за этими деньгами къ рабочимъ мы считаемъ невозможнымъ потому, что беря деньги у нихъ, сокращаешь и безъ того небольшую его заработную плату, и кромѣ того потому, что такихъ денегъ будетъ слишкомъ недостаточно. Это настолько понятно, что не будемъ тутъ останавливаться. Нагляднымъ примѣромъ этому служитъ то, что ни одна организація не просуществовала бы, да и не существуетъ на такія средства. Приходится, слѣдовательно, искать другихъ способовъ. Обыкновенно организаціи (не анархическія, понятно) существуютъ частью на счетъ пожертвованій буржуазіи, но намъ, анархистамъ, такой способъ совершенно не подходитъ. Идти къ буржуазіи съ просьбой пожертвовать на то дѣло, благодаря которому рабочія массы сумѣютъ отъ этой самой буржуазіи избавиться, было бы страшной нелѣпостью. Это дѣйствовало бы деморализующе на насъ самихъ, такъ какъ мы вынуждены были бы идти на компромиссы съ буржуазіей, что мы видимъ у партій «демократическихъ», съ другой стороны это крайне развращало бы массу. Масса воспитывалась бы совсѣмъ не въ анархическомъ духѣ неподчиненія, а наоборотъ, въ духѣ мирныхъ соглашеній и уступокъ. Да къ тому же я думаю, что буржуазія и сама не настолько глупа, чтобы дѣлиться съ нами своими «благопріобрѣтенными» денежками. Остается, слѣдовательно, только одинъ путь, путь захвата съ оружіемъ въ рукахъ. И намъ волей неволей приходится прибѣгать къ этому способу.

Способъ вооруженнаго захвата, способъ экспропріаціи и практиковался до сихъ поръ въ Россіи. Но тамъ, благодаря неправильной постановкѣ вопроса, эта экспропріація вылилась въ совершенно особенную форму, съ которой, я по крайней мѣрѣ такъ думаю, не согласится ни одинъ анархистъ. Экспропріаціи, производимыя группами для групповыхъ же цѣлей, превратились въ экспропріаціи личныя для личныхъ нуждъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣкоторыми товарищами онѣ даже пропагандировались въ массѣ. Это было большой ошибкой, которая теперь уже сказалась. Пропаганда личныхъ экспропріацій, или просто говоря, пропаганда воровства сдѣлала то, что именемъ анархистовъ стали прикрываться всѣ, шедшіе на самую простую кражу, и даже, больше того, позднѣе всякое воровство, всякая экспропріація приписывались анархистамъ. Все это очень запутывало въ массѣ пониманіе анархизма и часто прямо озлобляло ее.

Буржуа и помогавшія имъ въ этомъ «демократическія» партіи, усердно распространяли свѣдѣнія о новыхъ и новыхъ убійствахъ и грабежахъ, совершенныхъ «анархистами.» Не проходило ни одного дня, чтобы въ газетахъ не появлялись все новые и новые факты, всѣми приписываемые анархистамъ. Этимъ, конечно, воспользовались и противники анархизма. С.-д и с.-р. указывали на анархистовъ, какъ на воровъ и разбойниковъ, у которыхъ за душой нѣтъ ничего, кромѣ экспропріацій и бомбъ, бомбъ и экспропріацій. Дѣйствовало это развращающимъ образомъ и среди анархистскихъ кружковъ и группъ. Появились спеціалисты-экспропріаторы, вся работа которыхъ сводилась только къ постоянному экспропріированію. Благодаря этому, стали выбирать мѣста, гдѣ можно было бы брать деньги безъ всякаго риска. Какъ то совершенно забывалось, что вѣдь мало того, чтобы были взяты деньги, нужно, чтобы и рабочимъ былъ понятенъ этотъ поступокъ, чтобы они не видѣли въ немъ простой кражи. Это забывалось, и шли на экспропріаціи не къ виднымъ, извѣстнымъ буржуа, а не брезгали даже и мелочной лавкой. А такъ какъ у всякаго идущаго на экспропріацію всегда является неизбѣжнымъ то, что онъ можетъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ долженъ убить экспропріируемаго, то и появились эти безсмысленныя, нелѣпыя убійства, которыя снова таки только озлобляли массу. Масса видѣла только одно: анархисты мелкіе воришки и ничего больше. Таково же, понятно, было ея отношеніе и къ анархизму. А тутъ еще одно неизбѣжное слѣдствіе пропаганды воровства. Многіе, даже изъ хорошихъ и въ общемъ сознательныхъ работниковъ считали себя вполнѣ правыми, если большую часть изъ денегъ, экспропріируемыхъ для групповыхъ нуждъ, они клали себѣ въ карманъ. Среди группъ развивалось самаго низкаго пошиба дебоширство. Экспропріація стала обыденнымъ, простымъ явленіемъ. Она была обыкновенно неорганизованна, необдумана. Часто случалось, что еще утромъ не знали о томъ, что вечеромъ будутъ экспропріировать. И вмѣстѣ съ тѣмъ, да, пожалуй, и какъ слѣдствіе этого развивалось пьянство, кутежи. Было нѣсколько случаевъ бѣгства съ захваченными отъ группы деньгами заграницу и т. д. и т. д. Такихъ фактовъ мы могли бы привести массу, если бы не нежеланіе копаться въ этой грязи. Для насъ важно то, что такіе факты существовали, что благодаря этимъ фактамъ пошатнулась, такъ хорошо начавшаяся работа въ Россіи. Благодаря неправильному толкованію вопроса объ экспропріаціяхъ, на нихъ тратилась масса силъ и въ концѣ концовъ работа не получала никакой, даже матеріальной пользы. Благодаря этому легкому каждодневному экспропріированію развилась особая психологія среди работниковъ, Легкій способъ добыванія денегъ дѣлалъ то, что къ этимъ деньгамъ, какъ я уже говорилъ выше, стали относиться недобросовѣстно. Насколько легко и часто добывались деньги, настолько же легко онѣ и тратились, а это снова и снова вызывало экспропріаціи, снова и снова трата силъ и все безъ пользы. Все это, несомнѣнно, было результатомъ пропаганды личныхъ экспропропріацій, и я думаю, что теперь всякій согласится, что для того, чтобы избѣжать того страшнаго разврата и деморализаціи, какія вносится въ работу этой пропагандой перекладыванія капитала изъ кармана въ карманъ, чтобы избѣжать этого, нужно разъ навсегда разрѣшить вопросъ, какъ быть и съ какія формы экспропріація мы можемъ признать, и съ какими мы должны покончить разъ навсегда. Многіе ставятъ, а потому и рѣшаютъ вопросъ иначе: не было бы совсѣмъ экспропріацій, не было бы и этого разврата. Конечно, это совершенно правильно, но вѣдь вопросъ объ экспропріаціи не можетъ быть рѣшенъ тѣмъ, есть ли она и могла ли бы она не быть. Экспропріація также, какъ и терроръ, необходимое, неизбѣж-

ное явленіе и съ этимъ намъ прежде всего надо счи-
таться.

Но, если это такъ, если мы пока не можемъ обой-
тись безъ экспропріаціи, то поставимъ же вопросъ такъ,
чтобы не было злоупотребленій. Поставимъ вопросъ
ясно и толково: вотъ какую то форму экспропріаціи
мы признаемъ, а вотъ отъ этихъ намъ нужно поско-
рѣй отрѣшиться.

И основываясь на всемъ томъ, что мы только что ска-
зали,, мы смѣло можемъ заявить: Такъ какъ органи-
заціонная экспропріація является необходимостью, то
да, мы ее признаемъ, но пусть же эта экспропріація
дѣйствительно будетъ организаціонной. Пусть она бу-
детъ **организованной** и строго организованной.
Экспропріація **дѣйствительно** должна быть совер-
шена отъ лица группы или; если, того требуетъ кон-
спирація, отъ лица федеративной части этой группы.
И тогда, я глубоко увѣренъ, не будетъ больше повто-
ряться этихъ нелѣпыхъ маленькихъ экспропріацій, не
будетъ больше этихъ злоупотребленій групповыми день-
гами. Каждая экспропріація должна быть близка и по-
нятна рабочему, а тогда она сослужитъ огромную
службу. Кромѣ матеріальной пользы, она принесетъ
еще и другую, если ее можно такъ назвать, пропаган-
дистскую для насъ самихъ. Не будетъ больше всей
этой страшной деморализаціи въ нашей же средѣ, меж-
ду нами же И благодаря тому, что и рабочимъ близка
и понятна будетъ экспропріація, намъ возможно бу-
детъ поставить шире агитацію за массовую экспропрі-
ацію, которую мы всегда считали и считаемъ однимъ
изъ лучшихъ способовъ борьбы.

Итакъ, экспропріація организаціонная, но строго,
очень строго организованная — вотъ нашъ взглядъ
и только такимъ способомъ, мнѣ кажется, возможно
разрѣшить этотъ одинъ изъ наиболѣе жгучихъ и ост-
рыхъ вопросовъ нашей работы.

П—скій.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

АНАРХИЗМЪ ВЪ ИСПАНІИ

Вотъ уже долгое время, какъ всемірная пресса пе-
реполнена сенсаціонными извѣстіями по поводу бомбы,
которую испанскіе анархисты поднесли въ свадебный
подарокъ королевской четѣ; однако напрасно стали
бы мы искать во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ чего ни-
будь, кромѣ обыкновенныхъ сенсаціонныхъ сплетенъ
о кровожадности анархистовъ и невинности новобрач-
ныхъ, о новыхъ анархистскихъ заговорахъ, счастли-
во разоблаченныхъ спасительной полиціей и т. д., и
т. д. Съ одной стороны кровожадные анархисты, един-
ственная цѣль которыхъ швырять бомбы, съ другой
— невинныя жертвы анархистской кровожадности. А
что такое анархизмъ, каковы его идейныя основы, какъ
развивается анархистическое движеніе, какъ къ нему
относятся правительства — объ этомъ никто не го-
воритъ ни слова, а вѣдь если бы общество знало обо
всемъ этомъ, то многіе поняли бы причину кровожад-
ности анархистовъ, какъ многіе понимаютъ отчего въ
Россіи отъ бомбъ народовольцевъ погибъ Александръ II
и отъ чего отъ револьверовъ и бомбъ революціонеровъ
погибали въ послѣдніе годы министры, губернаторы, и
другіе представители власти въ Россіи.

Принимая это во вниманіе, я дамъ для тѣхъ, кто
не жаденъ на сенсаціи и доискивается истинныхъ при-
чинъ каждаго явленія, краткое описаніе положенія ве-
щей, которое поможетъ понять источникъ «кровожад-
ности» анархистовъ.

Анархисты стремятся къ перемѣнѣ существующаго
общественнаго строя на другой, въ которомъ власть и
принудительную государственную организацію замѣ-
нило бы свободное соединеніе свободныхъ людей въ
общества; дальше, свободное соединеніе этихъ свобод
ныхъ обществъ въ высшіе организаціонные типы и
т. д., снизу вверхъ, согласно потребностямъ человѣче
ства (этотъ организаціонный принципъ обозначается
словомъ **анархія**, т. е. отсутствіе власти, безвластіе),
а частную собственность замѣнило бы общее совладѣніе
всѣма средствами производства и потребленіе, кото-
рымъ всякій могъ бы пользоваться по принципу: каж-
дому по его потребностямъ, отъ каждаго по его спо-
собностямъ (этотъ экономическій принципъ означается
словомъ **коммунизмъ**). Значитъ анархизмъ есть на-
ука объ устройствѣ общества на основахъ **анархіи**
и коммунизма. Анархизмъ, какъ соціальное ученіе
ведетъ свое начало отъ англичанина Годвина (1756 г.
—1836, а какъ рабочее движеніе отъ половины XIX
столѣтія. Въ «Международномъ рабочемъ союзѣ», из-
вѣстномъ подъ именемъ «Интернаціоналъ» мы видимъ
оба направленія современнаго рабочаго движенія: анар-
хистическое и соціально-демократическое. Изъ за борь-
бы этихъ двухъ направленій «Интернаціоналъ» въ 1872
году распался на двѣ группы, которыя вслѣдъ за этимъ
перестали существовать, уступивъ мѣсто другимъ ор-
ганизаціоннымъ формамъ.

Анархистическое рабочее движеніе развивалось, глав-
нымъ образомъ, въ романскихъ странахъ Европы. Те-
перь онъ сильнѣе всего во Франціи, Испаніи, Италіи,
въ романской Швейцаріи, среди романскихъ и еврей-
скихъ рабочихъ въ Америкѣ, среди еврейскихъ рабо-
чихъ Англіи и Голландіи; начинается движеніе въ Гер-
маніи, въ Австріи (Чехія) и въ Россіи.

Что касается тактики, то анархисты думаютъ, что
мирное развитіе не доведетъ до перестройки общества
на основахъ анархіи и коммунизма, и что имъ остается
только одинъ путь — путь Соціальной Революціи.

Послѣ этого краткаго вступленія перехожу къ Испа-
ніи. Рабочее движеніе носитъ здѣсь со времени «Интер-
націонала» анархистическій характеръ, и съ того же
времени подвергается такимъ преслѣдованіямъ прави-
тельства, какихъ не знало даже революціонное дви-
женіе въ Россіи, гдѣ преслѣдованія не такія изы-
сканныя и инквизиторски-жестокія, какъ въ Испаніи.
Въ короткой статьѣ невозможно дать полное представ-
леніе всѣхъ этихъ преслѣдованій, поэтому ограничусь
только важнѣйшими документами мартирологіи испан-
скаго народа.

Въ 1882 году правительство подняло противъ ра-
бочихъ большой походъ, извѣстный подъ именемъ про-
цесса «*Mano-negra*» («Черной руки»). Организація сель-
скихъ рабочихъ была обвинена въ убійствахъ, грабе-
жахъ и поджогахъ, и 8 вождей этой организаціи были
приговорены къ смерти, а около 20 къ пожизненной ка-
торгѣ въ Африкѣ. Въ Европѣ всѣ думали, что испан-
ское правительство уничтожило какую то дѣйствительно
страшную террористическую организацію. Только 20
лѣтъ спустя, въ 1902 г. оказалось, что всю легенду о
«*Mano-negra*» выдумали жандармы, а подтвержденіе
этой легенды вымучили у свидѣтелей и обвиняемыхъ
посредствомъ пытокъ. И правительство подъ натискомъ

общественнаго возмущенія вынуждено было освободить тѣхъ изъ жертвъ процесса, которыя еще не умерли въ каторгѣ.

Десять лѣтъ спустя послѣ процесса «Мано Негра» начался новый процессъ противъ «бунтовщиковъ» въ Хересѣ (1892). Здѣсь снова были арестованы вожди организаціи и безъ всякихъ доказательствъ того, что они принимали участіе въ безпорядкахъ, 4 было приговорено къ смерти, а остальные къ каторгѣ.

Вмѣсто доказательствъ прибѣгли снова къ пыткамъ. Для характеристики процесса напомню, что одинъ изъ обвиняемыхъ, Ферминъ Сальвошеа, былъ приговоренъ къ 12 годамъ каторги, несмотря на то, что во время безпорядковъ въ Хересѣ, онъ сидѣлъ уже около полутора лѣтъ въ кадикской тюрьмѣ по другому дѣлу. Судъ призналъ взводимое на него обвиненіе въ томъ, что онъ изъ тюрьмы принималъ участіе въ безпорядкахъ и приговорилъ его къ каторгѣ.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, преслѣдованія и пытки начались въ такихъ размѣрахъ, что о нихъ можно было бы писать цѣлые томы. Напомню только про пытки въ крѣпости Монжуихъ, около Барцелоны, которыя всѣмъ извѣстны...

Немного спустя послѣ пытокъ въ Монжуихѣ, анархистъ Анджіолило ударилъ кинжаломъ президента Кановаса, заявивъ на судѣ, что его покушеніе было актомъ мести за безвинныя жертвы противъ того, кто отвѣтственъ за всѣ поступки правительства. Вотъ гдѣ источникъ «кровожадности» анархистовъ: покушеніе на Кановаса было актомъ мести за столько невинно-замученныхъ жертвъ. И что значитъ смерть одного министра въ сравненіи съ муками столькихъ людей?

Одинъ изъ послѣднихъ актовъ испанскаго правительства противъ рабочихъ имѣлъ мѣсто въ 1903 г. въ селѣ Алькалла дель Валле, въ южной Андалузіи. Это было подробно описано въ анархической прессѣ, а потому могу передать все очень точно, какъ примѣръ того, что продѣлываетъ испанское правительство съ рабочими.

Въ іюлѣ 1903 года рабочіе этого села, желая выразить свою солидарность съ окружными рабочими, которыхъ преслѣдовали за стачки, объявили забастовку. Во время собранія жандармы начали стрѣлять въ совершенно спокойную толпу. Толпа стала отбиваться и въ свалкѣ кто-то ранилъ двухъ жандармовъ. На другой день на село напали 35 жандармовъ и наугадъ хватали тѣхъ, про которыхъ знали только то, что они принадлежатъ къ мѣстной рабочей организаціи. Такъ арестовали 94 человѣка и заперли ихъ въ арестантскомъ помѣщеніи, которое едва могло вмѣстить 30 ч.

Во время давки у одной беременной женщины сдѣлался выкидышъ. Жандармъ забралъ ребёнка и кинулъ его въ отхожее мѣсто... Сцены, совершавшіяся сейчасъ послѣ арестовъ и въ теченіе нѣсколькихъ дальнѣйшихъ дней прямо трудно себѣ представить. Арестованныхъ поодиночкѣ водили къ допросу и тамъ «вытягивали» у нихъ сознаніе... Раздѣвали до нага и били палками и саблями по всему тѣлу, отрубали пальцы, били по ногамъ пока онѣ не опухали, а потомъ натягивали на нихъ башмаки, били въ грудь большимъ камнемъ, топтали сапогами, веревкою вытягивали и даже вырывали половые органы...

Кончилось, наконецъ, тѣмъ, что ихъ приговорили военнымъ судомъ къ пожизненной или долголѣтней каторгѣ.

Немного спустя послѣ этихъ пытокъ произошло неудачное покушеніе Арталя на президента министровъ Мауру,—снова, какъ актъ мести за невинныя жертвы.

Жертвамъ изъ Алькалла дель Валле удалось передать описаніе своихъ мученій, которое и появилось во многихъ газетахъ Западной Европы.

Лѣтомъ 1905 года, когда испанскій король Альфонсъ былъ въ Парижѣ, кто то во время парада бросилъ въ него бомбу. Кто это сдѣлалъ неизвѣстно и до сихъ поръ, а изъ того, что бомба была сдѣлана и брошена такъ неудачно, что не причинила никакого вреда, можно видѣть въ ней работу полиціи, желавшей такимъ образомъ съ одной стороны починить популярность короля среди темной толпы, а съ другой науськать и темную толпу и правительство противъ анархистовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же вслѣдъ за покушеніемъ арестовали въ Парижѣ много анархистовъ. Замѣчу, что среди арестованныхъ испанскихъ анархистовъ не было ни одного, который не носилъ бы на своемъ тѣлѣ слѣдовъ пытокъ.

Въ самомъ дѣлѣ можно за это любить своего короля и правительство! Про нѣкоторые виды пытокъ уже было упомянуто выше: теперь разскажу про другіе способы воспитыванія въ анархистахъ любви къ королю и правительству. Одинъ изъ арестованныхъ въ Парижѣ — Ферминъ Паламосъ—сидя зимой въ испанской тюрьмѣ, долженъ былъ цѣлую зиму держать ноги въ холодной водѣ, отчего и получилъ страшный ревматизмъ. Другого — Валину—испанскіе инквизиторы задумали загнать въ гробъ тѣмъ, что помѣстили его зимою въ холодную и сырую камеру, гдѣ буквально не было ничего, кромѣ мокрыхъ стѣнъ и мокраго пола. Валина, бережа свое здоровье, не ложился и не садился, а то стоялъ то ходилъ. За это время онъ такъ привыкъ спать стоя, что привычка эта сохранилась у него на всю жизнь.

Изъ-за парижскаго покушенія было арестовано, какъ затѣмъ обнаружилось, масса невинныхъ людей; но тогда никто не боролся противъ того, что страдаютъ невинные. Конечно, разъ одно признаваніе анархистическихъ принциповъ является достаточнымъ обвиненіемъ!

Вслѣдъ за происшествіемъ въ Алькалла дель Валле, весною 1904 года основана была въ Парижѣ для обнаруженія и борьбы съ испанскою инквизиціей газета «L'Espagne Inquisitoriale».

Не будучи въ состояніи найти истиннаго виновника парижскаго покушенія, французское правительство арестовало иниціаторовъ этого издательства — французскаго анархиста Малято и испанскаго Валину и держало ихъ полгода въ слѣдственной тюрьмѣ, а потомъ передало суду, хотя и не имѣло никакихъ доказательствъ ихъ виновности, а наоборотъ, они совсѣмъ ясно доказали, что съ парижскимъ покушеніемъ они не имѣютъ ничего общаго. И только какимъ то чудомъ судъ освободилъ ихъ, такъ какъ испанское правительство домогалось дипломатическимъ путемъ, чтобы судили ихъ строжайшимъ образомъ.

А теперь опять покушеніе въ Мадридѣ... и вновь всѣ запылали святымъ негодованіемъ: тамъ анархисты—это кровожадные звѣри; смерть имъ и гибель!

А Мано-негро, Хересъ, Монжуихъ, Алькалла дель Валле, безчисленныя звѣрскія пытки, пожизненная каторга подъ африканскимъ небомъ, смертные приговоры, выдачи, слѣдствія на почвѣ сознаній, выдуманныхъ жандармами и вынужденныхъ пытками?!

Такъ вотъ, бомбы испанскихъ анархистовъ—это только отвѣтъ на систематическую инквизицію испанскаго правительства, въ этомъ случаѣ отвѣтъ по адресу того,

чьимъ именемъ прикрывается всякій актъ власти и государства. Терроръ народныхъ массъ, терроръ снизу является только отвѣтомъ на терроръ сверху, терроръ правительства.

И какія неравныя силы вступаютъ здѣсь въ бой! Съ одной стороны правительство, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи суды, тюрьмы, полицію, жандармовъ, войско и не только не передъ кѣмъ не отвѣчаетъ за свои поступки, такъ какъ оно само издаетъ и иллюстрируетъ законы, но еще окружается ореоломъ защитника закона и справедливости, которое, однимъ словомъ, можетъ направить систематическій организованный терроръ противъ «внутреннихъ враговъ отечества», опираясь на предписанія закона; а съ другой стороны анархисты, лишенные всѣхъ гражданскихъ свободъ, а съ минуты, когда они выступаютъ, какъ анархисты, подведенные подъ исключительные законы, преслѣдующіеся и казнящіеся всѣми способами, какіе только возможны для средневѣковой инквизиціи, вооруженной новѣйшей техникой, — однимъ словомъ, лишенные права и отвѣчающіе за каждый террористическій актъ не только головой того, кто его совершилъ, но и общимъ преслѣдованіемъ всего движенія. По отношенію къ «внѣшнему врагу», который нападаетъ на чужой край, съ той минуты, какъ онъ попадаетъ въ плѣнъ, существуетъ какая то этика, какіе то законы; но никакая этика, никакіе законы не примѣняются къ «внутреннимъ врагамъ», къ анархистамъ.

А такъ какъ тактику борьбы сильнѣйшій всегда навязываетъ слабѣйшему, то понятное дѣло, что анархисты, какъ и вообще революціонеры, вынуждены отвѣчать на терроръ терроромъ. Наконецъ, терроръ это не спеціальная тактика анархистовъ; его употребляли и употребляютъ разныя партіи и группы. Посмотримъ въ исторію, и сколько тамъ мы найдемъ политическихъ убійствъ, выполненныхъ не только революціонною массою, но и людьми высшаго положенія, даже членами царствующихъ домовъ въ то время, когда анархизмъ еще не выступилъ на историческую арену. А въ наше время, большинство, если не всѣ, политическихъ убійствъ въ Россіи было выполнено не анархистами, а соціалистами-революціонерами. А развѣ македонцы не борятся бомбами противъ турецкаго гнета?

Итакъ терроръ, это не доктрина, а тактика, которой, правда, въ Америкѣ и въ Западной Европѣ, придерживаются только анархисты; но эта тактика не означаетъ анархизма и ея придерживались, повторяю, не только анархисты.

При этомъ нужно обратить вниманіе на психологическое состояніе человѣка, идущаго на террористическій актъ. Убійца Канаваса—Анджіолильо—заявилъ передъ судомъ, что онъ считаетъ для себя честью то, что онъ освободилъ человѣчество отъ такого дикаго звѣря.

А Бреши, убійца итальянскаго короля Гумберта, сказалъ, что кровавыя привидѣнія сицилійскихъ крестьянъ убитыхъ во время стачки, мучили его совѣсть до тѣхъ поръ, пока онъ не убилъ того, чьимъ именемъ громили крестьянъ и кто цѣловался потомъ съ министромъ Криспи, награждая его за эти погромы.

Значитъ, къ покушенію вынудило этихъ людей чувство, что зло надъ народными массами не можетъ оставаться безъ мести, т. е. причина этическаго характера.

А въ виду того, что горячій темпераментъ романской рассы заставляетъ людей часто за пустяки кончать дѣло кинжалами, то понятная вещь, что тамъ, гдѣ, напр. австрійцы другъ друга призывали бы къ покою, чтобы не быть провоцированными и не вызвать еще большихъ репрессій, и въ лучшемъ случаѣ послали бы телеграмму въ Вѣну, тамъ, въ Испаніи, протестуютъ противъ насилія языкомъ бомбъ.

Послѣ каждаго покушенія всѣ особенно возмущаются тѣмъ что жертвою этого покушенія могутъ пасть и невинные. А во время актовъ правительства въ цѣляхъ «сохраненія порядка» невинные не падутъ? Когда полиція аттакуетъ демонстрирующую толпу, когда войско усмиряетъ уличные безпорядки, развѣ тогда шашки полиціи, штыки и пули солдатъ разбираютъ невинныхъ? А въ Львовѣ во время безпорядковъ въ іюнѣ 1902 г., а въ Лидскомъ, въ этомъ году развѣ не были убиты невинные? Или вотъ примѣръ изъ зимняго московскаго возстанія: Боевая дружина, руководимая возстаніемъ потеряла всего 40 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и арестованныхъ; а посчитать сколько тамъ убито невинныхъ. И какъ ихъ убивало правительство! Вотъ нападутъ инсургенты на военный отдѣлъ, перестрѣляются и отступятъ. Сейчасъ же ввозятъ на это мѣсто пушку, и стрѣляютъ во всѣ стороны, хотя повстанцевъ уже давно нѣтъ, а гибнутъ только невинные. Что означаютъ тѣ нѣсколько невинныхъ жертвъ, которыя падутъ отъ бомбы анархиста, противъ той безчисленной массы невинныхъ, которые падаютъ все время въ борьбѣ правительства противъ «внѣшнихъ» и «внутреннихъ» враговъ. Итакъ, невинные падутъ въ каждой борьбѣ,—такой уже законъ борьбы и возмущаться по этому поводу только анархистами, это такое же фарисейство, какъ возмущаться анархическими покушеніями, и не видѣть испанской инквизиціи противъ работниковъ.

Итакъ, сведемъ вмѣстѣ всѣ эти выводы: 1) анархизма нельзя смѣшивать съ терроризмомъ, потому что анархизмъ это ученіе о новой организаціи общества а терроризмъ это тактика борьбы, которой придерживаются не одни анархисты; 2) Террористическіе акты анархистовъ—это слѣдствіе правительственнаго гнета; они зависятъ отъ того, насколько чутки и способны реагировать на насиліе угнетенные; 3) Спеціально въ Испаніи, терроръ анархистовъ—это вынужденный отвѣтъ на инквизиторскій способъ борьбы правительства съ анархическимъ рабочимъ движеніемъ.

Борьба правительства и тѣхъ представителей общества, которые считаютъ святыми и неприкосновенными основы современнаго строя, съ анархическимъ рабочимъ движеніемъ—это дѣло очевидное, потому что одни охраняютъ современный порядокъ вещей, а другіе хотятъ его разрушить. Но способы борьбы зависятъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ власть. А разъ законы запрещаютъ анархистамъ пропаганду ихъ идей, для борьбы за ихъ осуществленіе, то они, какъ поставленные внѣ правъ, должны употреблять такіе способы, какіе имъ кажутся болѣе достигающими цѣли.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы возмущаться единичными покушеніями нужно присматриваться ко всему анархическому движенію, къ его теоріи и практикѣ, къ отношенію къ нему правительства,—а тогда въ другомъ свѣтѣ покажется то, что теперь представляется только безцѣльною кровожадностью и страстью разрушенія.

М. Л.

ЦЮРИХЪ.

Въ послѣдніе мѣсяцы надъ Цюрихомъ прошла стачечная волна, которая захватывала то одну, то другую отрасль производства. Теперь вотъ ужъ дней десять бастуютъ каменщики. Такъ какъ эта стачка, повидимому, разростается въ всеобщую стачку города, мы сообщаемъ болѣе важные моменты этой забастовки.

Въ субботу, 3-го іюня (нов. ст.) состоялось собраніе изъ 200 каменщиковъ, на которомъ было рѣшено начать въ четвергъ стачку и выставить требованія 9 часового рабочаго дня и платы въ 70 сантимовъ (27 коп.) за часъ. Въ виду этого мѣстное начальство рѣшило поставить на ноги всю полицію. Когда-же въ понедѣльникъ стачечники въ одной деревнѣ близъ Цюриха пытались помѣшать работѣ штрейкбрехеровъ, многіе изъ нападавшихъ были арестованы полиціей, а на второй день повсюду были разставлены пикеты изъ солдатъ. Власти, кромѣ того обратились съ воззваніемъ къ населенію, объявляя о своемъ непреклонномъ намѣреніи поддержать всѣми средствами порядокъ и защищать свободу труда. Въ среду была конференція между представителями рабочихъ и хозяевъ, но она ни къ какому результату не привела. Тогда въ среду вечеромъ собраніе изъ 4000 человѣкъ почти единогласно рѣшило начать съ завтрашняго дня забастовку. На этомъ же собраніи было рѣшено, чтобы всѣ холостые рабочіе оставили Цюрихъ.

Такъ какъ предполагалась демонстрація стачечниковъ, генеральный совѣтъ занялся вопросомъ, не запретить ли демонстрацію, и не прибѣгнуть ли въ случаѣ надобности къ военной силѣ, чтобы помѣшать демонстрантамъ собраться.

Въ пятницу по этому же вопросу состоялось собраніе делегатовъ синдикатовъ и политическихъ ассоціацій рабочихъ (до 500 чел.) Рѣшили обратиться съ воззваніемъ къ рабочимъ и просить ихъ воздержаться отъ демонстрацій, чтобы не дать повода правительству принять еще болѣе строгія мѣры по отношенію къ стачечникамъ. На случай же, если власти пустятъ въ ходъ войско, было рѣшено созвать экстренное собраніе, чтобы обсудить вопросъ о всеобщей забастовкѣ. Кромѣ того отправлена къ мѣстнымъ властямъ делегація, которая должна была увѣрить властей, что демонстраціи не будетъ.

Положеніе было все таки обостренное. Хозяева выпустили объявленіе, въ которомъ они доводятъ до свѣдѣнія рабочихъ, что они, хозяева, приняли всѣ мѣры чтобы стачечники, оставившіе Цюрихъ, нигдѣ не нашли бы работы.

Таково было положеніе дѣлъ, когда предложили свои услуги городскія примирительныя камеры. Предложеніе ихъ было принято.

10-го іюля члены примирительной камеры предложили обѣимъ сторонамъ слѣдующій компромиссъ: въ теченіе 1906 г. рабочій день будетъ продолжаться 10 час. и только съ 1908 года будетъ введенъ 9-ти часовый день. Они также предложили постепенное увеличеніе платы. Рабочіе еще не успѣли высказаться, какъ хозяева объявили, что отказываются отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Теперь стачка затянется. Все чаще и чаще раздаются голоса о всеобщей забастовкѣ. Цѣлыя отрасли производства высказали свою готовность присоединиться ко всеобщей забастовкѣ. Въ субботу 14 іюля высказалъ свою готовность присоединиться ко всеобщей забастовкѣ ферейнъ рабочихъ городского газоваго освѣщенія. Дальнѣйшихъ событій ждутъ съ большимъ напряженіемъ.

РѢЧЬ КЛЕМАНСО.

Вы изъ газетныхъ телеграммъ уже знаете о словесной дуэли въ парламентѣ между Жоресомъ и Клемансо. Мы, быть можетъ, въ другой разъ поговоримъ подробнѣе о рѣчи вождя соціалистовъ. Теперь посвятимъ нѣсколько строчекъ рѣчи Клемансо, рѣчи одного изъ самыхъ крупныхъ и талантливыхъ представителей лѣваго радикализма. Клемансо въ своей рѣчи выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ... штрейкбрехеровъ. Съ пафосомъ защищалъ онъ «право на трудъ». Онъ защищалъ это право не только съ точки зрѣнія формальнаго закона, но съ точки зрѣнія гуманности. «Стачечники» говорилъ онъ:—борятся за улучшеніе своей жизни, штрейкбрехеръ-же хочетъ добыть средства для жизни, борется за самое жизнь». Такъ, по его словамъ, одинъ штрейкброхеръ отвѣтилъ упрекавшихъ его рабочимъ слѣдующее: «Вы объявили стачку, чтобы добиться лучшей платы. Мы не говоримъ, что это плохо. Но у насъ жены и дѣти, а мы ужъ три мѣсяца ничего не заработали. Намъ предлагаютъ работу. Если мы откажемся отъ работы, будете ли вы кормить нашихъ дѣтей?» Палата, конечно, шумно апплодировала рыцарю и гуманному защитнику безработныхъ. Прибавимъ къ этимъ аплодисментамъ и нашу благодарность. Да, мы благодарны г. Клемансо за его авторитетное подтвержденіе всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя мы всегда бросаемъ въ лицо существующему строю. Онъ подтвердилъ, что при капиталистическомъ строѣ у буржуазіи всегда есть запасъ голодныхъ людей, что эти голодные служатъ въ ея рукахъ бичемъ, которымъ она хлещетъ тѣхъ, кто хочетъ вырвать изъ ея цѣпкихъ рукъ нѣкоторые уступки. Онъ доказалъ, что буржуазія, не только одна французская, лицемѣрно защищая «право на трудъ» обреченныхъ ею на голодъ, на самомъ дѣлѣ, защищаетъ такія условія производства, при которыхъ должна существовать армія голодныхъ безработныхъ, какъ постоянная угроза всякой попыткѣ рабочихъ хоть немного улучшить свое положеніе. А при такихъ условіяхъ «право на трудъ» всѣхъ рабочихъ превращается въ «право на голодъ», «право на жизнь»—въ право на жалкое прозябаніе, а право на стачки очень часто превращается въ звукъ пустой

Клемансо старался еще доказать, что стачечники борятся не за «жизнь», а за лучшую жизнь. Но вѣдь всякому, хоть мало-мальски интересующемуся соціальнымъ вопросомъ извѣстно, что въ промышленныхъ странахъ ежегодно десятки тысячъ рабочихъ находятъ свою смерть на фабрикахъ, заводахъ, въ рудникахъ и шахтахъ, что сотни тысячъ становятся калѣками, умираютъ отъ различныхъ профессіональныхъ болѣзней. Не менѣе извѣстно, что значительную часть несчастныхъ случаевъ надо приписать переутомленію рабочихъ, что больше всего несчастныхъ случаевъ приходится на тѣ производства, гдѣ рабочій день неимовѣрно длиненъ, что больше всего несчастныхъ случаевъ бываетъ въ послѣдніе часы рабочаго дн, когда рабочіе больше всего утомлены.

Итакъ, г. Клемансо, борьба за менѣе короткій рабочій день, борьба ли это за лучшую жизнь? Или просто за жизнь?

Кому же неизвѣстно, какъ относительно и абсолютно великъ процентъ смертности среди рабочихъ, въ особенности среди дѣтей рабочихъ .Такъ, по Эмилю Рихтеру средняя продолжительность жизни въ богатыхъ кварталахъ Франкфурта на Майнѣ равняется 6[illegible] годамъ и 10 мѣсяцамъ, а въ бѣдныхъ кварталахъ четы-

ремъ годамъ!! Это, конечно, объясняется страшной, потрясающей смертностью среди дѣтей рабочихъ. Въ послѣдніе годы на 10.000 жителей умирало отъ легочной чахотки: въ Фридрихсфельдѣ 7 человѣкъ, въ Гросъ Лихтерфельдѣ 9 ч., а въ Нидеръ-Шенгаузенѣ 44 чел. въ Штралау 70 чел. Лишне прибавить, что въ первыхъ двухъ мѣстностяхъ живутъ буржуа, а въ послѣднихъ двухъ—рабочіе. Итакъ, г. Клемансо, борьба за лучшую плату, эта борьба за лучшую жизнь или просто за жизнь?!

Отъ печальнаго до смѣшного одинъ только шагъ, мы теперь переходимъ къ самой веселой части рѣчи Клемансо, гдѣ онъ обвиняетъ Жореса и французскихъ соціалистовъ въ томъ,... что они присвоили себѣ его программу. «Когда Жоресъ меня спросилъ... какова моя программа, мнѣ немного трудно было удержаться отъ искушенія сказать ему: моя программа? Вы ее прекрасно знаете, она у васъ въ карманѣ, вы ее позаимствовали у меня.»

Неправда-ли, немного напоминаетъ споръ Бобчинскаго и Добчинскаго, кто изъ нихъ раньше сказалъ «Э». Но насъ не интересуетъ, сказалъ-ли раньше «Э» Клемансо или Жоресъ, намъ важно подчеркнуть, что радикальный министръ подписывается подъ практической программой «объединенныхъ соціалистовъ» Франціи. Мы не думаемъ, я по крайней мѣрѣ не думаю, что Жоресъ, а въ особенности Гэдъ были ли лично противъ немедленнаго введенія соціализма во Франціи. Вся фальшивость ихъ положенія вытекаетъ изъ ихъ ложной тактики парламентаризма и легализма. Разъ единственный способъ борьбы — легальная парламентская работа и разъ въ парламентѣ у нихъ нѣтъ не только большинства, но и импонирующаго меньшинства, то само собой понятно, они могутъ внести лишь такіе законопроекты, которые были бы пріемлемы для болѣе радикальной части палаты. И ради этого отодвигаются на задній планъ идеи соціализма, ради этого убивается революціонный духъ рабочихъ массъ, ради этого дѣлается уступка за уступкой, слѣдуетъ компромиссъ за компромиссомъ! Было бы смѣшно, еслибы не было такъ печально!

Интересна та часть рѣчи Клемансо, гдѣ онъ критикуетъ коллективизмъ, противопоставляя ему индивидуализмъ. Красиво, гордо и сильно звучитъ здѣсь его рѣчь. Можно было бы подумать, что это говоритъ анархистъ — недаромъ же наши недобросовѣстные критики обвиняютъ насъ въ буржуазности. Хотя почему то отъ буржуазной свободы намъ, анархистамъ, приходится терпѣть больше всѣхъ. Клемансо очень любезно дебатируетъ съ Жоресомъ, но онъ далеко не любезно отправилъ въ тюрьму антимилитаристовъ, упряталъ туда же представителей революціоннаго синдикализма. Да, мы говоримъ о свободѣ. Но наша свобода не ограничивается парламентомъ, не подчиняется никакой власти, не признаетъ никакого авторитета. И мы индивидуалисты! Но мы не ограничиваемся разговорами о формальныхъ правахъ индивидуальности, а боремся за новый экономическій строй, который дѣйствительно обезпечитъ индивидуальности возможность красиво жить и безпрепятственно развиваться.

А—ъ.

МИЛИТАРИЗМЪ И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ СОЦІАЛИСТОВЪ И АНАРХИСТОВЪ.

Въ послѣдніе годы замѣчается въ Западной Европѣ сильное антимилитаристическое движеніе. Правительства «политически свободныхъ» странъ не замедлили принять свои обычныя репрессивныя мѣры для борьбы съ этимъ движеніемъ, грозящимъ самимъ основамъ государства и «порядка». Вы, вѣроятно, знаете о процессѣ антимилитаристовъ во Франціи, знаете о постигшей ихъ участи. Теперь за республиканской Франціей тянется «свободная» Швейцарія. Уже послѣ всеобщей стачки въ Женевѣ, гдѣ многіе резервисты отказались дѣйствовать противъ стачечниковъ, швейцарское правительство предложило народу для голосованія законъ, который каралъ штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ всякую попытку возбуждать солдатъ къ неповиновенію. Законъ тогда провалили. Но такъ какъ агитація въ войскахъ все усиливается, правительство рѣшило, что народъ теперь окажется болѣе сговорчивымъ и съ этой цѣлью оно вырабатываетъ новый законъ противъ антимилитаристовъ. Впрочемъ, въ законъ внесено одно улучшеніе: если раньше предполагалось примѣнять, какъ наказаніе или штрафъ или тюремное заключеніе, то теперь предполагается наказывать только тюремнымъ заключеніемъ.

А пока судъ да дѣло, пока законъ будетъ санкціонированъ «суверенымъ» народомъ, республиканское правительство рѣшило — на чисто россійскій манеръ — расправляться «своими средствами» съ непокорными иностранцами. Всякій иностранецъ, уличенный въ антимилитаристической пропагандѣ, или въ распространеніи антимилитаристическихъ прокламацій и брошюръ, немедленно выселяется административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Швейцаріи. Впрочемъ, пропаганда не является необходимымъ условіемъ для высылки. Часто достаточно одного факта принадлежности къ анархизму, чтобы надъ головой обвиненнаго разразились полицейскіе перуны.

Не очень то благосклонно относятся къ антимилитаристамъ и въ демократической Швеціи. Недавно только судили тамъ двухъ нашихъ товарищей за антимилитаристскую пропаганду: одного приговорили къ 10 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а другого къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы. Но ихъ судили еще по старымъ законамъ. Теперь же изданы спеціальные драконовскіе законы для борьбы съ антимилитаризмомъ. «Характерно», замѣчаетъ «Деръ Фрайэръ Арбайтеръ»: «что министерство, которое внесло этотъ законопроектъ принадлежитъ къ такъ называемымъ радикальнымъ, а нѣкоторые изъ его министровъ прошли даже соціалъ-демократическую школу.»

А—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

3327 Jop

КО ВСѢМЪ РУССКИМЪ АНАРХИСТАМЪ-КОММУНИСТАМЪ

Товарищи!

Уже по одному тому, что наше движенiе въ Россiи очень молодо, по одному тому, что мы не успѣли еще создать людей для „практической работы", наше движенiе страдало многочисленными недостатками, къ исправленiю которыхъ мы должны всѣми силами стремиться, когда прiобрѣтенный опытъ ихъ намъ указываетъ.

Главными недостатками нашей работы мы считаемъ: отсутствiе литературы, связей между группами различныхъ городовъ, непрочность групповыхъ организацiй и плохособлюдающуюся конспиративность.

Вредъ подобныхъ недостатковъ до того ясенъ, что совершенно излишне долго распространяться на эту тему. Сознавая наши ошибки, мы въ интересахъ нашего движенiя, должны ихъ исправить какъ можно скорѣе.

Первая наша задача—распространять какъ можно больше анархической литературы.

Нашей устной пропагандой мы успѣли затронуть, заинтересовать пролетарскiя массы, разочаровать ихъ въ „добродѣтельной политикѣ", но, къ сожалѣнiю, дальше не пошли. Массы были оставлены на полъ-дорогѣ; холодные къ „политикѣ", онѣ однако не успѣли получить яснаго представленiя объ анархическомъ идеалѣ и о тѣхъ средствахъ борьбы, которыя предлагаются анархистами для достиженiя этого идеала.

Съ другой стороны, передовая соцiалистическая русская интеллигенцiя сама понемногу разувѣрилась въ цѣлительныхъ свойствахъ буржуазной республики и все больше отмежевывается отъ демократiи и приближается къ соцiализму. Такъ наз. „молодые с.-ры", „максималисты" всевозможныхъ ступеней, выставляютъ на своемъ знамени ближайшею цѣлью единственное требованiе: соцiальную революцiю. И наша задача идти съ анархической пропагандой навстрѣчу подобнымъ теченiямъ, но мы не должны забывать, что устной пропаганды будетъ недостаточно...

Въ одной изъ предыдущихъ статей нашего органа указанъ, между прочимъ ближайшiй фазисъ развитiя анархизма въ Россiи. И передъ нами возстаетъ теперь очень серьезный вопросъ: какую форму придать нашимъ организацiямъ? Разъ анархизмъ будетъ представлять собой въ Россiи извѣстную общественную силу, то, спрашивается, въ какую форму должна вылиться эта сила, какой типъ организацiи она должна принять?

Мы въ первомъ номерѣ нашего органа не даемъ пока отвѣта на этотъ вопросъ и, оставляя его открытымъ, просимъ всѣхъ русскихъ товарищей высказаться по этому важному вопросу. И только тогда, когда будутъ собраны и опубликованы въ нашей газетѣ мнѣнiя всѣхъ желающихъ высказаться русскихъ товарищей, мы приступимъ къ общей, совмѣстной разработкѣ даннаго вопроса..

• • •

Огромная важность взятой нами на себя задачи налагаетъ на насъ и огромную отвѣтственность за правильное ея выполненiе.

Такое же выполненiе возможно только тогда, когда товарищи въ Россiи поддержатъ насъ, какъ морально, такъ и матерiально.

За работу-же, товарищи!

Група.

Денежный отчетъ по 10 Iюня.

Поступило: отъ 3 рефератовъ 144 фр. 50 сант. Лозанской группы 50 фр. Выруч. за литературу 155 фр. 85 сант. Итого 349 фр. 85 сант.

Расходъ: залы для рефератовъ 57 фр., Граву за литератур. 25 фр., Покупка литературы 97 фр. 10 сант., Пособiе товарищу 4 фр., Проѣздъ въ Лозанну 5 ф., Почтов. и др. расходы 4 фр. 75 сант., Устройство библiотеки и проч. 10 фр. 10 сант. Итого 202 фр. 95 сант.

Отчетъ по 1 Iюля 1906 г.

Выручено за литературу 37 фр. 05 сант. Изъ Монтрэ (пожертв.) 4 фр. Отъ Лозанской гр. 65 фр. Всего 106 ф. 05 с.

Расходъ: Почтов. расх. 3 фр. 95 сант. Типографскiе расх. 26 фр. 40 сант. Проѣзды 3 чел. въ Лозанну 15 фр. Пособiе В — у 3 фр. Бергони за лит. 7 фр. Итого 55 фр. 35 сант.

Отчетъ о вечерѣ будетъ помѣщенъ въ слѣдующ. номерѣ.

Письма и деньги просятъ направлять въ:

Paris. Redaction du „Libertaire" rue d'Orsel, 15

Genève. Rue de la Servette, 43. Mme Karlen

На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись: для „Буревѣстника".

Типографiя группы «Буревѣстникъ». Парижъ.

3257/906